

Искани зимой лето

2-3-4-5-6

Константин Кедров

7

Альфред де Виньи

7-8-9-10

Елена Кацюба

11

Александр Раткевич

12

Сергей Бирюков

13

Ольга Адрова

14-15-16-17

Федор Достоевский

18

*Маргарита Аль,
Татьяна Зоммер*

19

*Павел Грушко,
Екатерина Ивлева*

20-21-22-23

*Виктор Клыков,
Виктор Ахломов*

24

*Игорь Дудинский,
Владимир Монахов*

25

*Лидия Григорьева,
Наталья Никулина*

26

Александр Лысенко

27-28

Кира Сангир

29

*Татьяна Бонч-Осмоловская,
Анатолий Кудрявицкий*

30

*Сергей Шилкин,
Игорь Балюк*

31

*Юрий Беликов,
Татьяна Виноградова*

32

Галина Мальцева

33-34-35-36-37

Валерий Байдин

38

*Александр Смирнов,
Надежда Агафонова*

39

Валентин Никитин

40

Кристина Зейтунян-Белоус

41-42

Марина Розанова

43

Вилли Мельников

44

Герман Виноградов

45

*Валентин Нервин,
Игорь Ревякин*

46-47

*Ирина Бессарабова,
Александр Федулов*

Константин Кедров

доктор философских наук
ДООС – стихозавр

В'южный ферзь

Я
не раньше
чем
снег
улетающий
вширь
Фрез
шестиконечных
ледяной
Ферзь
белый ферзь
выточен
вьюгой
из белых
шестиконечных фрез

Ферзь – белый Лазарь
вывинчивается из гроба
выигрывая себя
вьюга ниспадает к ногам бинтами
разбинтованный Лазарь
сияет телом лакированного ферзя

Все фигурки голы как Голем
мы с тобой голы как галактика

в
с
е

галактики голы

и

галактики голы

н

а

г

и

как Христос на кресте

Лишь нагие выходят из гроба

Вьюга делает ход ферзем
В'южный ферзь делает ход конем

Ураган-буран – он летит могол
под прямым углом
напролом

Буран – это белый ферзь
когда вьюга играет с вьюгой
юг играет с севером
север с югом

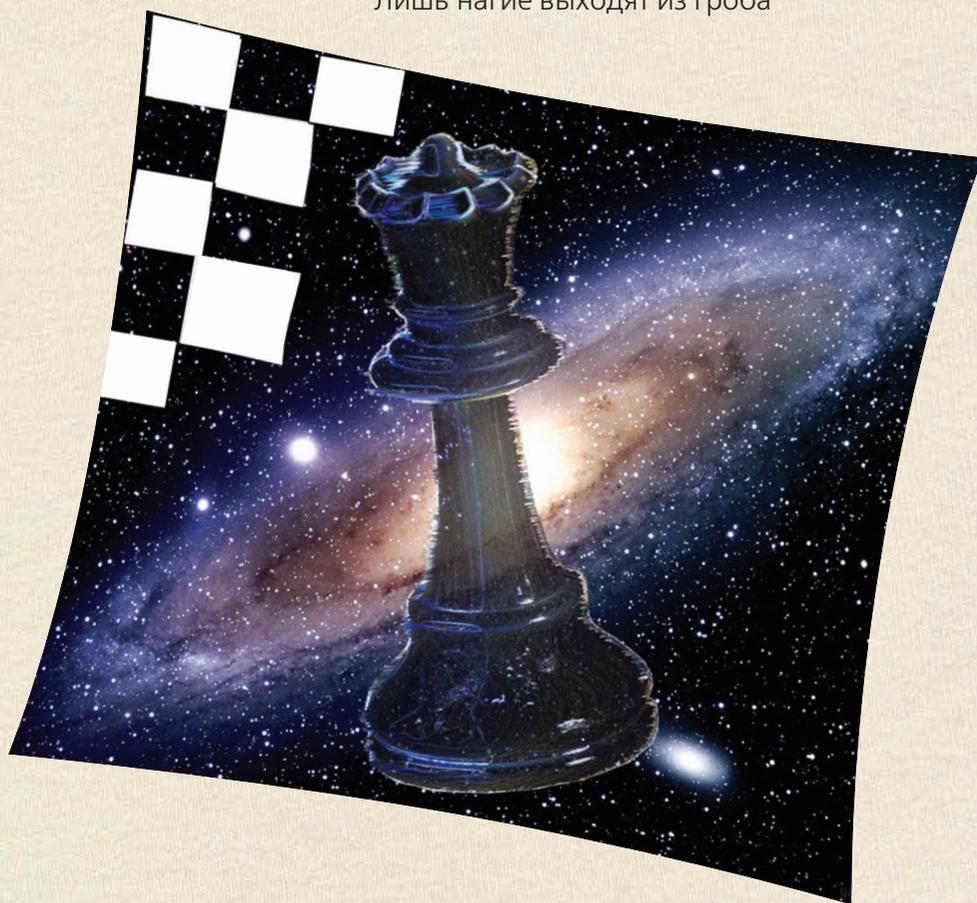
В каталогах галактик
нельзя не узнать ферзя

Шах –
и тьма глотает галактику
Мат –
и свет брызнул из черных дыр
так возникла
шахматная доска

Все надгробия
похожи на пешки

Есть шахматы
где все ходы восьмеркой

Ферзь восстал из гроба
как штопор
запеленатый вьюгой

Шахматная симфония

Звуки выдувались в виде коня и ферзя
барабан бил турой
арфа рассыпала хрустальные пешки
рояль изверг извергал слонов
улетающих в высь
конь блед как молния
летел под прямым углом
Г – Г – Г – Господи я твой конь
К – К – К – Королева
Рок вела влево

РОК – РОК – РОК – ПРО
ПРО – ПРО – ПРО – РОК
ПРО – ПРО – ПРО – РЕК
ПРА – ПРА – ПРА – ДЕД
ПРА – ПРА – ПРА – ВНУК
ПРА – ПРА – ПРА – ПРАХ
ПРА – ПРАХ – ПРАХ – ПОРХ

Молния – лоно неба
шел слон
оставляя следы из лон

Этюд РОССИЯ

Посреди белой доски
Белый конь
Налево пойдешь –
коня потеряешь

Конь идет влево

Этюд БУДДА

Посреди белой доски
стоит белый слон

Христос
играет в шахматы
с Буддой
Будда после каждого хода
впадает в нирвану

НИРВАНА – ШАХ
МАТ – НИРВАНА
НИРВАНА – МАТ
ШАХ – НИРВАНА

игра длится вечно

Как Батый обрушенный на Рязань
Остап Бендер швыряет
шахматы в зал

Аты – баты
а ты Батый

Ход Батыем в Тьмутаракань
ТЬМУ-

ТАРАКАНЬ НА КАРАТ

шах – мат – Шамхат –
черная королева
уходит во тьму

Все поезда в метро уходят ферзем

Там под землей никто не ходит конем –

Все поезда в метро
уходят в черный

**квад
рат**

а выходят –

в белый

Ферзь Айседора
делает ход
алым вихрем шарфа
– Прощайте
я еду к славе!

Квадрат Малевича

белый

на алом

*ПАЛИНДРОНАВТИКА,
или ПАЛИНДРОМНЫЕ ШАХМАТЫ*

играют Д'АРТАНЬЯН И РИШЕЛЬЕ

МУШКЕТ – ПА! – АПТЕК ШУМ
Кардинал напрягает ум

СИР РИШЕЛЬЕ СЪЕЛ ЕЩЕ РИС
Кардинал сделал ход и скис

НОГ АРАМИС СИМ АРАГОН
Д'Артаньян почувствовал гон

Кардиналу сделалось жарко
А КРАСОТА АТОС АРКА

Д'Артаньян отведал от сладкой снеди
И ДЕЛИ МИЛЕДИ

Ришелье съежился как сурок
КОРОЛЕВА А ВЕЛО РОК

Ришелье ал как вареный рак
КАРДИНАЛ ЛАНИ ДРАК

Над гасконцем длань его зависала
А ГАСКОНЕЦ ЦЕН ОК САЛА

КГБ гвардейцев зря ест свой хлеб
БЕКИНГЕМ МЕ ГНИ КЕБ

Д'Артаньян снял со свечи нагар
РАГУ ЕЛ ЕЩЕ РИШЕЛЬЕ УГАР

Так гасконцы всех победят всегда
А де ТРЕВИЛЬ ЛИВЕР ТЕ ДА

Принесли перепелиные потроха
АХ ПАРИЖ ЖИР АП ХА

Д'Артаньян вернулся домой чуть жив
ВОТ СУП ПЛАНШЕ ЕШЬ НАЛ ПУСТО В

В мошне пусто зато в мошонке полно
ОН ЕШЬ ШПАГА АГА ПШЕНО

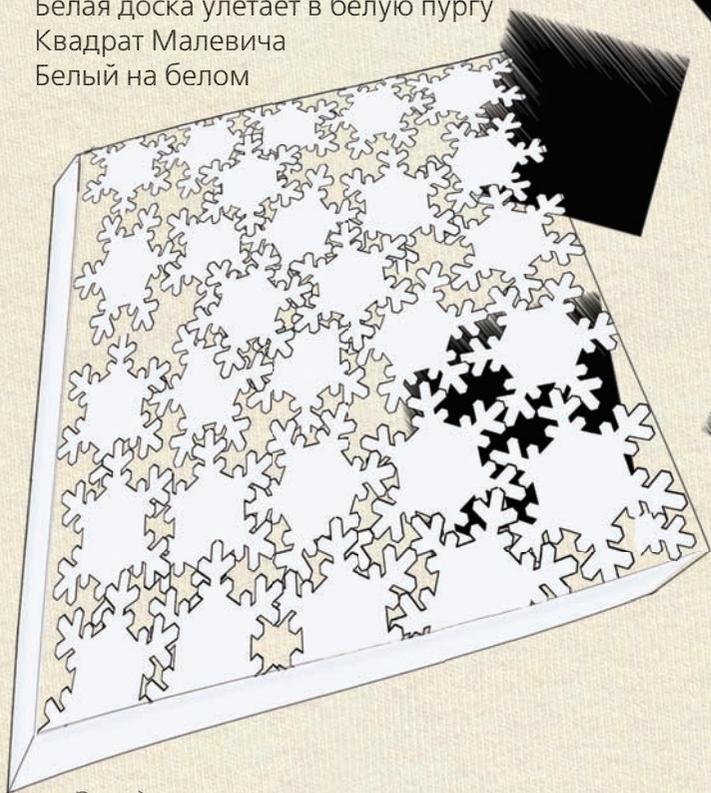
Будущего мушкетера легка стопа
А ПОЕДИНОК КОН И ДЕО ПА

АДУ КОНСТАНЦИЯ ЯИЦ НА Т-С НО КУДА
Месь Миледи страшна всегда

У Миледи мраморны груди
И ДЮМА МУДИ
шарм
МРАК КАРМ

Этюд В'ЮЖНЫЙ ФЕРЗЬ

Белая королева
машет вслед улетающей
шахматной доске
черные клетки разлетаются
в разные стороны
Пастернак делает ход
ледяной королевой Ларой
Белый ферзь в середине белой доски
Белая доска улетает в белую пургу
Квадрат Малевича
Белый на белом

*Этюд
РАСПЯТИЕ*

На кресте
Христос рокируется с Буддой
впадая в нирвану
Будда играет в шахматы
Все фигурки
к которым он прикасается
становятся Буддой
и тоже играют в шахматы
Невозможно понять
Будда играет в шахматы
или
шахматы в Будду

Христос играет в шахматы –
все фигурки к которым он прикасаются
превращаются в распятия
Христос воскресает
внутри всех распятий
так возникает звездное небо

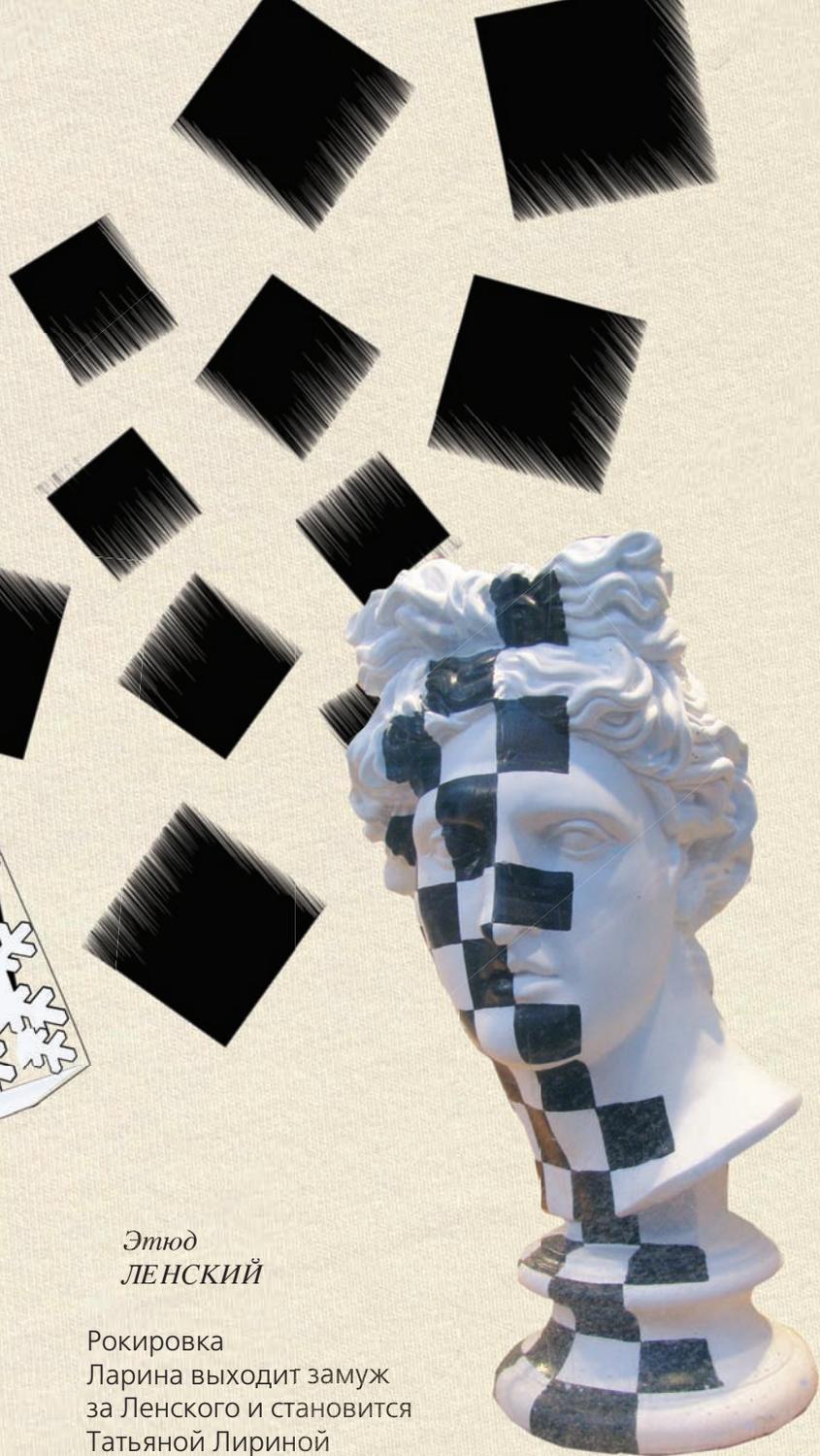
*Этюд
ЛЕНСКИЙ*

Рокировка
Ларина выходит замуж
за Ленского и становится
Татьяной Лариной

Достоевский играет черными
и проигрывает Толстому всех Карамазовых
Рокировка Ивана с Нехлюдовым
Грушеньки с Катюшей
Все в Сибири

*Этюд
ОСИРИС*

В Древнем Египте боги не покидали клеток –
Изида – Ферзь и король – Озирис
каждый застыл в своей нише
Неподвижные шахматы –
вся игра из финалов
Изида нашла Озириса
Гор низверг Сета –

Альфред де Виньи

Кардинал Ришелье – Людовику XIII

из книги

«Сен-Мар, или Заговор во
времена Людовика XIII»

...новый перечень обязанностей, которые... кардинал осмелился представить королю, а тот принял их, отнесся к ним с уважением и выучил наизусть, как веление церкви. Они дошли до нас и являются страшным памятником той власти, какую человек может мало-помалу присвоить себе при помощи интриг и дерзости:

- I. У монарха должен быть первый министр, а первый министр должен обладать тремя качествами: 1) почитать своего монарха превыше всего на свете, 2) быть искусным и верным, 6) состоять в духовном звании.
- II. Монарх должен безраздельно любить своего первого министра.
- III. Не должен сменять первого министра.
- IV. Должен посвящать его во все свои помыслы
- V. Предоставить ему свободный доступ к своей особе.
- VI. Предоставить ему неограниченную власть над народом.
- VII. Окружить его высокими почестями и жаловать ему богатые дары.
- VIII. У монарха нет большего сокровища, чем его первый министр.
- IX. Монарх не должен придавать значения тому, что ему наговаривают на первого министра, и слушать осуждающих его.
- X. Монарх должен верить первому министру все, что ему говорится о министре, даже в тех случаях, когда монарха просят сохранить беседу в тайне.
- XI. Монарх должен предпочитать всем своим родственникам не только благо государства, но и предпочитать им своего первого министра

Елена Кацюба
 ДООС – libellula

Судьба в зеркалах любви

«Раз в крещенский вечерок
 Девушки гадали...»

В.А. Жуковский

Два зеркала, поставленные друг против друга, образуют магический коридор, уходящий в бесконечность. Мерцание свечи вводит смотрящего в состояние транса, легкого самогипноза. Кто-то верит и хочет увидеть, но не видит. А кто-то и не верит, и не ждет, и вдруг ему открывается. Почему?

Сцена гадания на зеркалах в романе «Война и мир» поистине удивительна. Сначала гадать пытается Наташа. Но, несмотря на таинственную атмосферу и все старания, она не видит ничего, кроме себя и галереи свечей, уходящих в темное пространство. Наташа вся обращена к реальной жизни, к свету. Она не понимает символического языка тьмы.

«Долго она сидела, глядя на ряд уходящих свечей в зеркалах, предполагая (соображаясь с слышанными рассказами) то, что она увидит гроб, то, что увидит его, князя Андрея, в этом последнем, сливающимся, смутном квадрате. Но как ни готова она была принять малейшее пятно за образ человека или гроба, она ничего не видала. Она часто стала мигать и отошла от зеркала».

Другое дело Соня. Когда смотрела Наташа, она представляла себе что-то конкретное. То есть она мешала самой себе. А Соня не знала, что именно она должна увидеть. Ей не хотелось никого обманывать и что-то придумывать. Она только знала, что должна увидеть «непременно» – это слово только что прошептала Наташа. И Соня сама не знала, «как и вследствие чего у нее вырвался крик, когда она закрыла глаза рукою». Она увидела кого-то лежащего, но кого – не поняла. Ведь думала она не столько об Андрее, сколько о Николае. Не было никакого прозрения, никакой экзальтации. Кроме того, она даже не была уверена, что действительно что-то видела.

Но ведь именно так и происходит истинное соприкосновение с иным миром – всегда остается неясность, сомнение. Иначе чем бы этот мир отличался от того? Если же кто-то рассказывает о по-

добных вещах слишком уверенно, как это нередко бывает, здесь непременно присутствует обман или самообман.

Но даже если бы Соня придумала или внушила себе (а этого явно не было), что видела лежащего человека и то, что он повернулся к ней и улыбнулся, то следующее ее видение просто не могло быть придуманным:

– Ну а потом, Соня?..

– Тут я не рассмотрела, что-то синее и красное...»

Этого предсказания не поняла и Наташа. Она, конечно, не вспомнила, что именно так она когда-то, в 16 лет, определила Пьера в ночной беседе с матерью: «Он славный, темно-синий с красным».

Известно, что Лев Толстой в жизни был рационалистом и не верил в чудеса. Он даже написал свой вариант Евангелия, где все чудесное объяснялось самым житейским образом. Например, Христос накормил пятью хлебами множество человек, пришедших его послушать. Что тут чудесного? Просто некоторые запасливые люди, отправляясь в дорогу, взяли с собой продукты. А когда пришло время подкрепиться, Христос поделился хлебом с учениками. Слушатели, глядя на него и следуя его примеру, тоже поделились друг с другом. И все оказались сыты.

Лев Николаевич так же критически относился и к современным «чудесам», например, спиритизму. Он безжалостно высмеял спиритов и их сеансы и в романе «Анна Каренина», и в пьесе «Плоды просвещения». Он не включился в эту модную игру, а медиумов приравнял к жуликам. А ведь даже известные ученые находили во всем этом нечто, не поддающееся рациональному объяснению.

Единственная мистика, которую признавал великий писатель, – это мистика человеческих отношений. И это уже не игра. Все помнят знаменитую сцену из «Анны Карениной», когда Левин, объясняясь в любви Кити, пишет на бильярдном сукне мелом только первые буквы слов, которые он не решается произнести. Но Кити все понимает. В основе – реальный эпизод из жизни самого Льва Толстого. Именно так он объяснялся своей будущей жене Соне Берс. Поэтому и его герои в решающие моменты жизни понимают друг друга

Фото-коллаж Елены Кацубы.

без слов. Что касается предчувствий, предвидений, таинственных ощущений, необычных чувств, то это для него родная стихия.

Многие поколения читателей «Войны и мира» всерьез обижены на автора за то, что в конце романа он как бы принизил Наташу Ростову. Превратил романтическое возвышенное существо в сугубо земную, толстую, озабоченную чисто житейскими проблемами мать семейства.

Но превратил ли? Не была ли она изначально такой, целиком обращенной к реальной жизни? Ведь даже имя у нее земное, определяющее судьбу. «Наталя» значит рождение, рождество, рожаящая. Обратите внимание, что и мать ее – Наталя. А старшая сестра – Вера. А приемная дочь, дальняя родственница – Софья, мудрость.

Рождение, вера, мудрость – три координаты мира. Из них возникает любовь земная, то есть семья по представлению Льва Толстого.

Но старшая дочь Вера оказалась чужой в этой идеальной семье. В Вере отразилась вера современного писателя мира – сухая, официальная, лишенная душевного тепла.

Мудрость – Соня – бесплодна в житейском, плотском понимании. Но она – девственница в высшем, жреческом смысле, хранительница истинной, небесной любви. Ведь она продолжает любить Николая, хотя утратила всякую надежду

быть его женой. Она непорочна и в том смысле, что не осознает своего предназначения. Так же она не осознает своего пророческого дара, хотя именно благодаря этому дару она первой узнала о будущем смертельном ранении Болконского и что потом Наташу судьба сведет с Пьером.

Но дело в том, считает Толстой, что такие мгновения редки и быстро забываются. Также мы знаем, что живем на грани жизни и смерти, и эту грань иногда физически ощущаем, но только иногда. Иначе жить было бы невозможно.

Земная, приготовленная к продолжению рода Наташа не соответствовала тому возвышенному образу, который сложился у князя Андрея. Он же был для нее символом взрослого мира, на языке которого она еще не умела мыслить и чувствовать. Какой-то роскошный подарок, слишком взрослый для ребенка, которым она еще была. Она не смогла создать из него иероглиф, как из Пьера, не вписала в книгу своих представлений о жизни. Потому и не возникло у них той душевной связи, которая позволяет и на расстоянии чувствовать и понимать друг друга. Если бы Наташа действительно была романтической особой, она бы просто кайф ловила от вынужденной разлуки, наслаждаясь своими страданиями. Но страдания Наташи истинные, земные, перерастающие в обиду и гнев: «Он не должен был, не имел права оставлять меня!»

Когда Болконский приехал просить ее руки, она едва услышала его голос через ряд комнат, но сразу все поняла. Да ведь и Андрей влюбился сначала в голос Наташи во время ее ночного разговора с Соней. Отсутствие голоса любимого человека сделало его нереальным, превратило в пустоту. Наташа стала пустым зеркалом. Ведь если в зеркало не смотрят, то в нем ничего и не отражается. Зато вполне земным оказался Анатолий.

Наталия и Анатолий – эти имена состоят из одинаковых букв, они звучат похоже. Но Анатолий – это а-Наталия, анти-Наталия, как Эрос и Антэрос – анти-эрос. Андрей далеко, он – какое-то туманное будущее. Анатолий рядом. Он говорит, шепчет, он прикасается. Ее зовет инстинкт, но не темный инстинкт сладострастия, а юная неудержимая страсть. Можно сказать, что просто бушуют гормоны, но Наташа ничего не знает об этом. Она уверена, что это любовь.

Спасает ее мудрость – Соня. Любовь возвышенная избавляет любовь земную от поругания. Спасая Наташу, она фактически спасает семью, род.

Но как сложилась бы жизнь Наташи, если бы они с Андреем сразу поженились? Ведь Андрею все равно бы пришлось уехать, значит он отправил бы юную (и наверняка уже беременную) жену в имение отца. Ну а там все пошло бы по тому же сценарию.

Что же такое любовь по Льву Толстому? Это два зеркала, стоящих друг против друга. Одно из зеркал – любовь, а другое – страдание. Если возникает любовь, то она рано или поздно отразится страданием, как меняется в зеркале правая и левая сторона. Но точно так же страдание отражается в любви. Любовь может преобразить страдание, но страдание способно убить любовь. И все же, полагает Толстой, любовь не может быть истинной, если она не прошла через страдание.

Пройдя через возвышенную любовь к Андрею, обернувшуюся страданием, Наташа обрела земную любовь к Пьеру и выполнила свое предназначение – создавать и хранить семью. На смену холодной расчетливой Вере в семью приходит Мария – душа. Княжна Мария продолжает род Ростовых.

И вот новая семья – рождение, душа, мудрость. Именно о такой семье мечтал Толстой, создавая ее в литературе и пытаясь создать в жизни. Но это уже было время других психологических моделей. Знаковой фигурой времени оказалась Анна Каренина, с которой Толстой вступил в настоящий поединок. И проиграл. Именно Анна, а не Наташа стала женщиной века.

А это мои словесные зеркала – палиндромы

Гадание

Вот Ева заветов,
а клада гадалка –
маки ткала галактикам.
Телу мак – амулет,
нам сила, тебе – на небе талисман,
огонь лада гадального,
иксы зим, а нам изыски.
Мудр огонь, но горд ум.
«Украшу душ арку!» –
лун хор грохнул
зуммером с морем муз

Ведьма

*Ведьмой называли вечернюю,
западную Венеру. Семь дев –
созвездие Плеяд.*

Ведьме себе на небе семь дев.
Ведьме садов вода – семь дев.
Ведьме сера, заре – семь дев.
К сере вереск.
Ведьме сети, щит – ищите семь дев!
Ведьме свары – дыра в семь дев.
К сирени в вине риск.
Яд, ого, пущу погода,
ядов сети, и те сводя.
Року – ведьме семь дев укор,
а к реву зим изуверка.
Ведьме судеб беду – семь дев.
Ведьме суд, а в аду семь дев.
А лак рези и зеркала.
Ал зрачок – око чар зла.

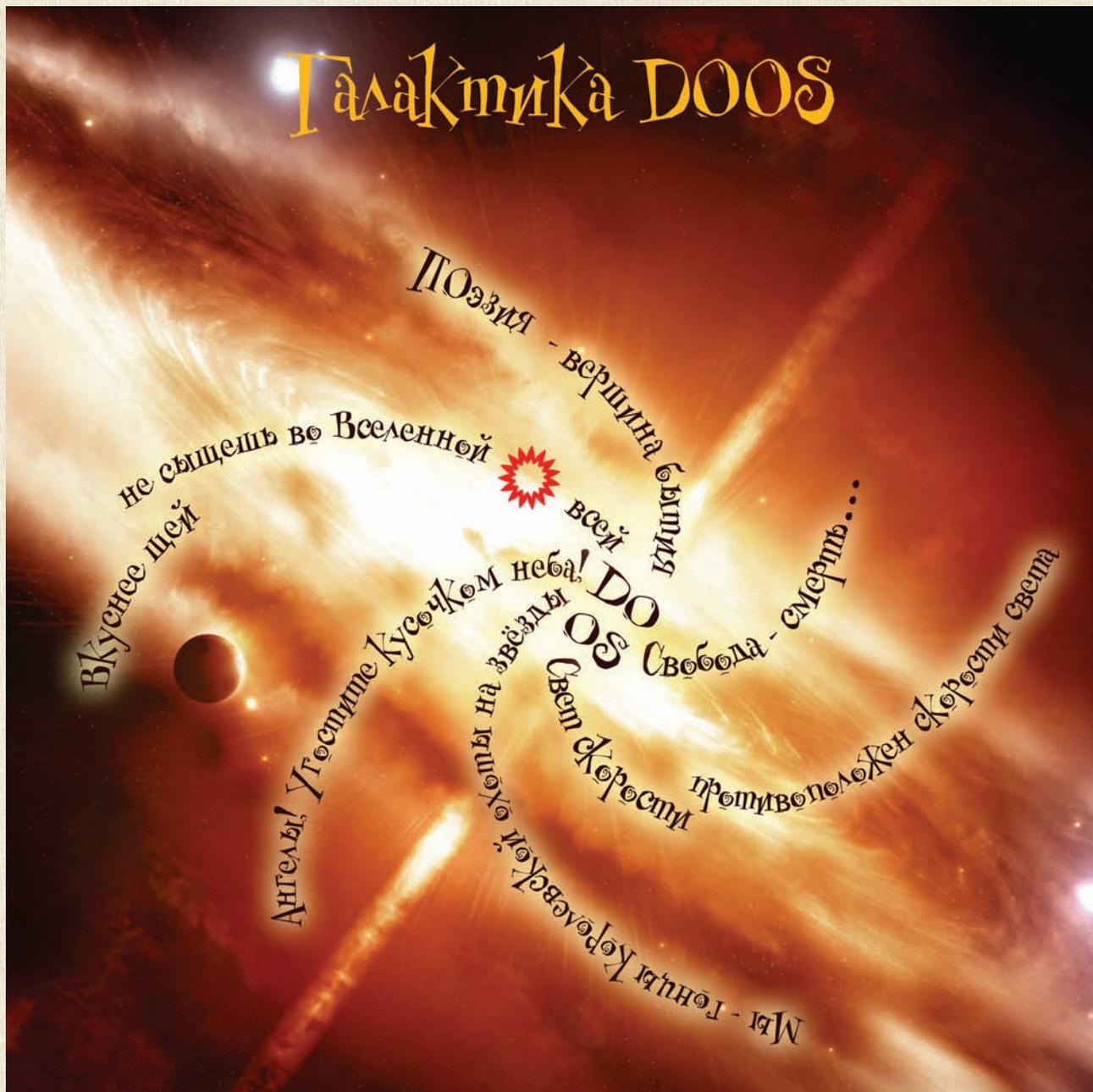
Призраки

(монопалиндром)

И толп тени: «Мы – дым». Откуда силы? –
«По вере». Диво зари магу дари. Рвали
дороги городу тень лба. Рок лун и кони.
Воле – перо, миру Баха – бури. Море
пело вино, кинул корабль «нет!». У
дороги город. И лавр, и радуга – мира
дар, и дерево пыли – саду...
«Кто мы?» Дым. И нет плоти.

Александр Раткевич

Полоцк, Белоруссия

В рукавах галактики:

Константин Кедров:

«Поэзия – вершина бытия».

Елена Кацюба:

«Мы – гонцы королевской охоты
на звезды...»

Андрей Вознесенский:

«Свобода – смерть...».

Алексей Торхов:

«Ангелы! Угостите кусочком неба».

Кира Сапгир:

«Не сыщешь во вселенной всей
вкуснее щей...».

Маргарита Аль:

«Свет скорости противоположен
скорости света...»

Сергей Бирюков

доктор культурологии
ДООС – заузавр
Галле, Германия

В доме Магритта

Rue Esseghestraat 135,
Brussels (Jette)

Филипу
Меерсману

улитка впилась
в чрево Олимпии
вечность и невозможность
трансперсональность
но
завиток боли Жоржет
Ренэ Магритт
пишет на кухне
вскипает кофе
трубка сопит
человек без лица
изображает шкаф
легкое перевоплощение
вещного мира
еще секунда
и улица
пустится
вдогонку

Фото Филипа Меерсмана,
Коллаж Елены Кацубы.

вот пластика окна
вот вечер за окном
вот женщина
по ту другую сторону
вот женщина одна
вот вечер за окном
вот пластика окна

1
Дюрер лесов
и Брейгель ветряков
пробег веков
или пробел веков
мы беглецы
из времени
и мира
струна натянута
животрепещет лира
но день осенний
выдался сейчас
и за окном
немецкий Левитан
березовая роща
в угасанье
в одно мгновенье
и в одно касанье...

2
германский дух
британский гений
здесь временами
ветрено
сквозит
и всюду ожидание
мгновений
по направлению
к выходу –
exit
из поезда не выглянешь
куда там
задраен люк
и речь чужую
раздробляешь
в атом
du kannst zum glük

ИЗ ПОЕЗДА

Ольга Адрова
ДООС – рок-стрекоза

Из тишины

Из тишины выходит зверь,
Из тишины влетит олень,
Из тишины вернутся сны –
Мы влюблены, мы влюблены...
В тени любви, в тени твоей любви
Погаснет мир, угаснет лик.

Из темноты выходит лев,
Из темноты вернется нерв,
Из темноты взлетят орлы –
Мы влюблены, мы влюблены...
В тени любви, в тени твоей любви
Угаснет лик, погаснет мир.

Зима и лето

Небо над парком седое, как в Ульяновске Волга.
Я знаю, что будет завтра: выпадет снег...
А ты мое прошлое, которое длится долго,
И ты мое завтра, мой двадцать первый век.
Выкрикни имя свое над седой рекой,
Или над нашим парком, как северная пчела, –
Где птицы сердце мое взяли навек с собой
И разнесли над городом этим еще вчера...
Этот мозг, нагруженный, как верблюд,
Отягощенный страстью, точно вторым горбом,
Как в игольное ушко, ты пролезаешь в сон,
И как всплывший «Титаник», думаешь о своем.
И там сад «Эрмитаж», там северная пчела,
Там мое сердце, бьющееся, как вчера:
Во все стороны света струится по жилам кровь,
И пересадка сердца – это была любовь.

Фото-коллаж **Елены Кацубы.**

Федор Достоевский

Елка и свадьба

Из записок неизвестного

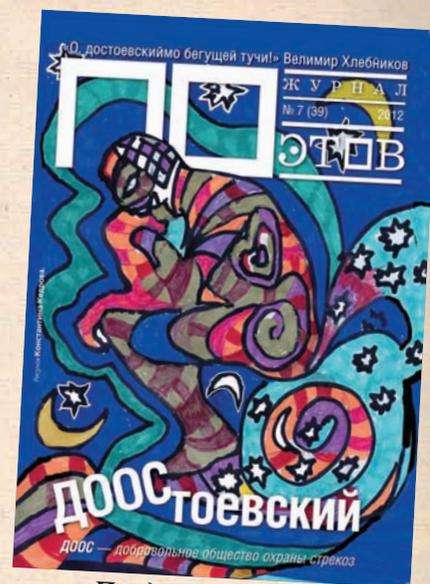
На днях я видел свадьбу... но нет! Лучше я вам расскажу про елку. Свадьба хороша; она мне очень понравилась, но другое происшествие лучше. Не знаю, каким образом, смотря на эту свадьбу, я вспомнил про эту елку. Это вот как случилось. Ровно лет пять назад, накануне Нового года, меня пригласили на детский бал. Лицо приглашавшее было одно известное деловое лицо, со связями, с знакомством, с интригами, так что можно было подумать, что детский бал этот был предлогом для родителей сойтись в кучу и потолковать об иных интересных материях невинным, случайным, нечаянным образом. Я был человек посторонний; материй у меня не было никаких, и потому я провел вечер довольно независимо. Тут был и еще один господин, у которого, кажется, не было ни роду, ни племени, но который, подобно мне, попал на семейное счастье... Он прежде всех бросился мне на глаза. Это был высокий, худощавый мужчина, весьма серьезный, весьма прилично одетый. Но видно было, что ему вовсе не до радостей и семейного счастья; когда он отходил куда-нибудь в угол, то сейчас же переставал улыбаться и хмурил свои густые черные брови. Знакомых, кроме хозяина, на всем бале у него не было ни единой души.

Видно было, что ему страх скучно, но что он выдерживал храбро, до конца, роль совершенно развлеченного и счастливого человека. Я после узнал, что это один господин из провинции, у которого было какое-то решительное, головоломное дело в столице, который привез нашему хозяину рекомендательное письмо, которому хозяин наш покровительствовал вовсе не *con amore* и которого пригласил из учтивости на свой детский бал. В карты не играли, сигары ему не предложили, в разговоры с ним никто не пускался, может быть издали узнав птицу по перьям, и потому мой господин принужден был, чтоб только куда-нибудь девать руки, весь вечер гладить свои бакенбарды. Бакенбарды были действительно весьма хороши. Но он гладил их до того усердно, что, глядя на него, решительно можно было подумать, что сперва произведены на свет одни бакенбарды, а потом уж приставлен к ним господин, чтобы их гладить.

Кроме этой фигуры, таким образом принимавшей участие в семейном счастье хозяина, у которого было пятеро сытенных мальчиков, понравился мне еще один

господин. Но этот уже был совершенно другого свойства. Это было лицо. Звали его Юлиан Мастакович. С первого взгляда можно было видеть, что он был гостем почетным и находился в таких же отношениях к хозяину, в каких хозяин к господину, гладившему свои бакенбарды. Хозяин и хозяйка говорили ему бездну любезностей, ухаживали, поили его, лелеяли, подводили к нему для рекомендации своих гостей, а его самого ни к кому не подводили. Я заметил, что у хозяина заискрилась слеза на глазах, когда Юлиан Мастакович отнесся по вечеру, что он редко проводит таким приятным образом время. Мне как-то стало страшно в присутствии такого лица, и потому, полюбовавшись на детей, я ушел в маленькую гостиную, которая была совершенно пуста, и засел в цветочную беседку хозяйки, занимавшую почти половину всей комнаты.

Дети все были до невероятности милы и решительно не хотели походить на больших, несмотря на все увещания гувернанток и маменок. Они разобрали всю елку вмиг, до последней конфетки, и успели уже переломать половину игрушек, прежде чем узнали, кому какая назначена. Особенно хорош был один мальчик, черноглазый, в кудряшках, который все хотел меня застрелить из своего деревянного ружья. Но всех более обратила на себя внимание его сестра, девочка лет одиннадцати, прелестная, как амурчик, тихонькая, задумчивая, бледная, с большими задумчивыми глазами навывкате. Ее как-то обидели дети, и потому она ушла в ту самую гостиную, где сидел я, и занялась в уголку – с своей куклой. Гости с уважением указывали на одного богатого откупщика, ее родителя, и кое-кто замечал шепотом, что за ней уже отложено на приданое триста тысяч рублей. Я оборотился взглянуть на любопытствующих о таком обстоятельстве, и взгляд мой упал на Юлиана Мастаковича, который, закинув руки за спину и наклонив немножечко голову набок, как-то чрезвычайно внимательно прислушивался к празднословию этих господ. Потом я не мог не подивиться мудрости хозяев при раздаче детских подарков. Девочка, уже имевшая триста тысяч рублей приданого, получила богатейшую куклу. Потом следо-

Продолжение темы
№ 7 (39) 2012

вали подарки понижаясь, смотря по понижению рангов родителей всех этих счастливых детей. Наконец, последний ребенок, мальчик лет десяти, худенький, маленький, весноватенький, рыженький, получил только одну книжку повестей, толковавших о величии природы, о слезах умиления и прочее, без картинок и даже без вишнети.

Он был сын гувернантки хозяйских детей, одной бедной вдовы, мальчик крайне забитый и запуганный. Одет он был в курточку из убогой нанки. Получив свою книжку, он долгое время ходил около других игрушек; ему ужасно хотелось поиграть с другими детьми, но он не смел; видно было, что он уже чувствовал и понимал свое положение. Я очень люблю наблюдать за детьми. Чрезвычайно любопытно в них первое, самостоятельное проявление в жизни. Я заметил, что рыженький мальчик до того соблазнился богатыми игрушками других детей, особенно театром, в котором ему непременно хотелось взять на себя какую-то роль, что решился поподличать. Он улыбался и заигрывал с другими детьми, он отдал свое яблоко одному одутловатому мальчишке, у которого навязан был полный платок гостинцев, и даже решился повозить одного на себе, чтоб только не отогнали его от театра. Но чрез минуту какой-то озорник препорядочно поколотил его. Ребенок не посмел заплакать. Тут явилась гувернантка, его маменька, и велела ему не мешать играть другим детям. Ребенок вошел в ту же гостиную, где была девочка. Она пустила его к себе, и оба весьма усердно принялись наряжать богатую куклу.

Я сидел уже с полчаса в плющовой беседке и почти задремал, прислушиваясь к маленькому говору рыженького мальчика и красавицы с тремястами тысяч приданого, хлопотавших о кукле, как вдруг в комнату вошел Юлиан Мастакович. Он воспользовался скандальною сценою ссоры детей и вышел потихоньку из залы. Я заметил, что он с минуту назад весьма горячо говорил с папенькой будущей богатой невесты, с которым только что познакомился, о преимуществе какой-то службы перед другою. Теперь он стоял в раздумье и как будто что-то рассчитывал по пальцам

– Триста... триста, – шептал он. – Одиннадцать... двенадцать... тринадцать и так далее. Шестнадцать – пять лет! Положим, по четыре на сто – 12, пять раз = 60, да на эти 60... ну, положим, всего будет через пять лет – четыреста. Да! вот... Да не по четыре со ста же держит, мошенник! Может, восемь аль десять со ста берет. Ну, пятьсот, положим, пятьсот тысяч, по крайней мере, это наверно; ну, излишек на тряпки, гм...

Он кончил раздумье, высморкался и хотел уже выйти из комнаты, как вдруг взглянул на девочку и

остановился. Он меня не видал за горшками с зеленью. Мне казалось, что он был крайне взволнован. Или расчет подействовал на него, или что-нибудь другое, но он потирал себе руки и не мог постоять на месте. Это волнение увеличилось до *plus ultra*, когда он остановился и бросил другой, решительный взгляд на будущую невесту. Он было двинулся вперед, но сначала огляделся кругом. Потом, на цыпочках, как будто чувствуя себя виноватым, стал подходить к ребенку. Он подошел с улыбочкой, нагнулся и поцеловал ее в голову.

Та, не ожидая нападения, вскрикнула от испуга.

– А что вы тут делаете, милое дитя? – спросил он шепотом, оглядываясь и трепля девочку по щеке.

– Играем...

– А? с ним? – Юлиан Мастакович покосился на мальчика.

– А ты бы, душенька, пошел в залу, – сказал он ему.

Мальчик молчал и глядел на него во все глаза. Юлиан Мастакович опять осмотрелся кругом и опять нагнулся к девочке.

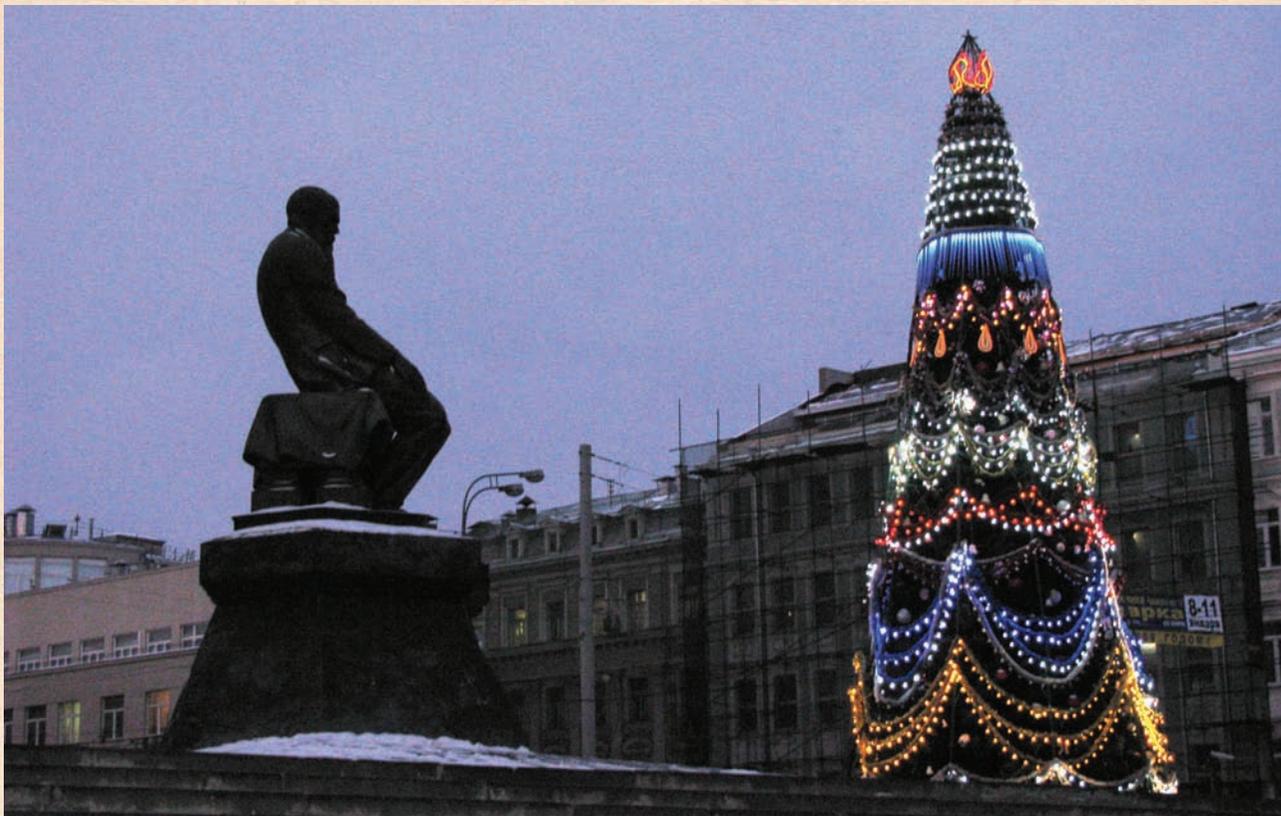
– А что это у вас, куколка, милое дитя? – спросил он.

– Куколка, – отвечала девочка, морщась и немножко робея.

– Куколка... А знаете ли вы, милое дитя, из чего ваша куколка сделана?

*Седекия Белнап (1781-1858), Новая Англия.
Девочка с куклой, сидящая на софе.*

Елка для Достоевского. Фото Елены Кацубы.

– Не знаю... – отвечала девочка шепотом и совершенно потупив голову.

– А из тряпочек, душенька. Ты бы пошел, мальчик, в залу, к своим сверстникам, – сказал Юлиан Мастакович, строго посмотрев на ребенка. Девочка и мальчик поморщились и схватились друг за друга. Им не хотелось разлучаться.

– А знаете ли вы, почему подарили вам эту куколку? – спросил Юлиан Мастакович, понижая все более и более голос.

– Не знаю.

– А оттого, что вы были милое и благонравное дитя всю неделю.

Тут Юлиан Мастакович, взволнованный донельзя осмотрелся кругом и, понижая все более и более голос, спросил наконец неслышным, почти совсем замирающим от волнения и нетерпения голосом:

– А будете ли вы любить меня, милая девочка, когда я приеду в гости к вашим родителям?

Сказав это, Юлиан Мастакович хотел еще один раз поцеловать милую девочку, но рыженький мальчик, видя, что она совсем хочет заплакать, схватил ее за руки и захныкал от полнейшего сочувствия к ней. Юлиан Мастакович рассердился не в шутку.

– Пошел, пошел отсюда, пошел! – говорил он мальчишке. – Пошел в залу! пошел туда, к своим сверстникам!

– Нет, не нужно, не нужно! подите вы прочь, – сказала девочка, – оставьте его, оставьте его! – говорила она, почти совсем заплакав.

Кто-то зашумел в дверях, Юлиан Мастакович тотчас же приподнял свой величественный корпус и испугался. Но рыженький мальчик испугался еще более Юлиана

Мастаковича, бросил девочку и тихонько, опираясь о стенку, прошел из гостиной в столовую. Чтоб не подать подозрений, Юлиан Мастакович пошел также в столовую. Он был красен как рак и, взглянув в зеркало, как будто сконфузился себя самого. Ему, может быть, стало досадно за горячку свою и свое нетерпение. Может быть, его так поразил вначале расчет по пальцам, так соблазнил и вдохновил, что он, несмотря на всю солидность и важность, решил поступить как мальчишка и прямо абордировать свой предмет, несмотря на то что предмет мог быть настоящим предметом по крайней мере пять лет спустя. Я вышел за почтенным господином в столовую и увидел странное зрелище. Юлиан Мастакович, весь покраснев от досады и злости, пугал рыжего мальчишка, который, уходя от него все дальше и дальше, не знал – куда убежать от страха.

– Пошел, что здесь делаешь, пошел, негодник, пошел! Ты здесь фрукты таскаешь, а? Ты здесь фрукты таскаешь? Пошел, негодник, пошел, сопливый, пошел, пошел к своим сверстникам!

Перепуганный мальчик, решившись на отчаянное средство, попробовал было залезть под стол. Тогда его гонитель, разгоряченный донельзя, вынул свой длинный батистовый платок и начал им выхлестывать из-под стола ребенка, пристраивая до последней степени.

Нужно заметить, что Юлиан Мастакович был немножко толстенький. Это был человек сытенький, румяный, плотненький, с брюшком, с жирными ляжками, словом, что называется, крепняк, кругленький, как орешек. Он вспотел, пыхтел и краснел ужасно. Наконец он почти остервенился, так велико было в нем чувство негодования и, может быть (кто знает?), ревно-

сти. Я захохотал во все горло. Юлиан Мастакович оборотился и, несмотря на все значение свое, сконфузился в прах. В это время из противоположной двери вошел хозяин.

Мальчик вылез из-под стола и обтирал свои колени и локти. Юлиан Мастакович поспешил поднести к носу платок, который держал, за один кончик, в руках. Хозяин немножко с недоумением посмотрел на троих нас но, как человек, знающий жизнь и смотрящий на нее с точки серьезной, тотчас же воспользовался тем, что поймал наедине своего гостя.

– Вот-с тот мальчик-с, – сказал он, указав на рыженького, – о котором я имел честь просить...

– А? – отвечал Юлиан Мастакович, еще не совсем оправившись.

– Сын гувернантки детей моих, – продолжал хозяин просительным тоном, – бедная женщина, вдова, жена одного честного чиновника; и потому... Юлиан Мастакович, если возможно...

– Ах, нет, нет, – поспешно закричал Юлиан Мастакович, – нет, извините меня, Филипп Алексеевич, никак невозможно-с. Я справлялся; вакансии нет, а если бы и была, то на нее уже десять кандидатов, гораздо более имеющих право, чем он... Очень жаль, очень жаль...

– Жаль-с, – повторил хозяин, – мальчик скромненький, тихонький...

– Шалун большой, как я замечаю, – отвечал Юлиан Мастакович, истерически скривив рот, – пошел, мальчик, что ты стоишь, пойди к своим сверстникам! – сказал он, обращаясь к ребенку.

Тут он, кажется, не мог утерпеть и взглянул на меня одним глазом. Я тоже не мог утерпеть и захохотал ему прямо в глаза. Юлиан Мастакович тотчас же отворотился и довольно явственно для меня спросил у хозяина, кто этот странный молодой человек? Они зашептались и вышли из комнаты. Я видел потом, как Юлиан Мастакович, слушая хозяина, с недоверчивостию качал головою.

Нахохотавшись вдоволь, я воротился в залу. Там великий муж, окруженный отцами и матерями семейств, хозяйкой и хозяином, что-то с жаром толковал одной даме, к которой его только что подвели. Дама держала за руку девочку, с которой, десять минут назад, Юлиан Мастакович имел сцену в гостиной. Теперь он рассыпался в похвалах и восторгах о красоте, талантах, грации и благовоспитанности милого дитяти. Он заметно юлил перед маменькой. Мать слушала его чуть ли не со слезами восторга. Губы отца улыбались. Хозяин радовался излианию всеобщей радости. Даже все гости сочувствовали, даже игры детей были остановлены, чтоб не мешать разговору. Весь воздух был напоен благогове-

нием. Я слышал потом, как тронутая до глубины сердца маменька интересной девочки в отборных выражениях просила Юлиана Мастаковича сделать ей особую честь, подарить их дом своим драгоценным знакомством; слышал, с каким неподдельным восторгом Юлиан Мастакович принял приглашение и как потом гости, разойдясь все, как приличие требовало, в разные стороны, рассыпались друг перед другом в умиленных похвалах откупщику, откупщице, девочке и в особенности Юлиану Мастаковичу.

– Женат этот господин? – спросил я, почти вслух, одного из знакомых моих, стоявшего ближе всех к Юлиану Мастаковичу.

Юлиан Мастакович бросил на меня испытующий и злобный взгляд.

– Нет! – отвечал мне мой знакомый, огорченный до глубины сердца моею неловкостию, которую я сделал умышленно...

Недавно я проходил мимо ***ской церкви; толпа и съезд поразили меня. Кругом говорили о свадьбе. День был пасмурный, начиналась изморось; я пробрался за толпою в церковь и увидел жениха. Это был маленький, кругленький, сытенький человечек с брюшком, весьма разукрашенный. Он бегал, хлопотал и распоряжался. Наконец раздался говор, что привезли невесту. Я протеснился сквозь толпу и увидел чудную красавицу, для которой едва настала первая весна. Но красавица была бледна и грустна. Она смотрела рассеяннo; мне показалось даже, что глаза ее были красны от недавних слез. Античная строгость каждой черты лица ее придавала какую-то важность и торжественность ее красоте. Но сквозь эту строгость и важность, сквозь эту грусть просвечивал еще первый детский, невинный облик; сказывалось что-то донельзя наивное, неустановившееся, юное и, казалось, без просьб само за себя молившее о пощаде.

Говорили, что ей едва минуло шестнадцать лет. Взглянув внимательно на жениха, я вдруг узнал в нем Юлиана Мастаковича, которого не видел ровно пять лет. Я поглядел на нее... Боже мой! Я стал протесняться скорее из церкви. В толпе толковали, что невеста богата, что у невесты пятьсот тысяч приданого... и на сколько-то тряпками...

«Однако расчет был хорош!» – подумал я, протеснившись на улицу...

*Впервые опубликовано:
«Отечественные записки»,
сентябрь 1848 г.*

Маргарита Аль

ДООС – стрекозАль

Зимняя инсталляция

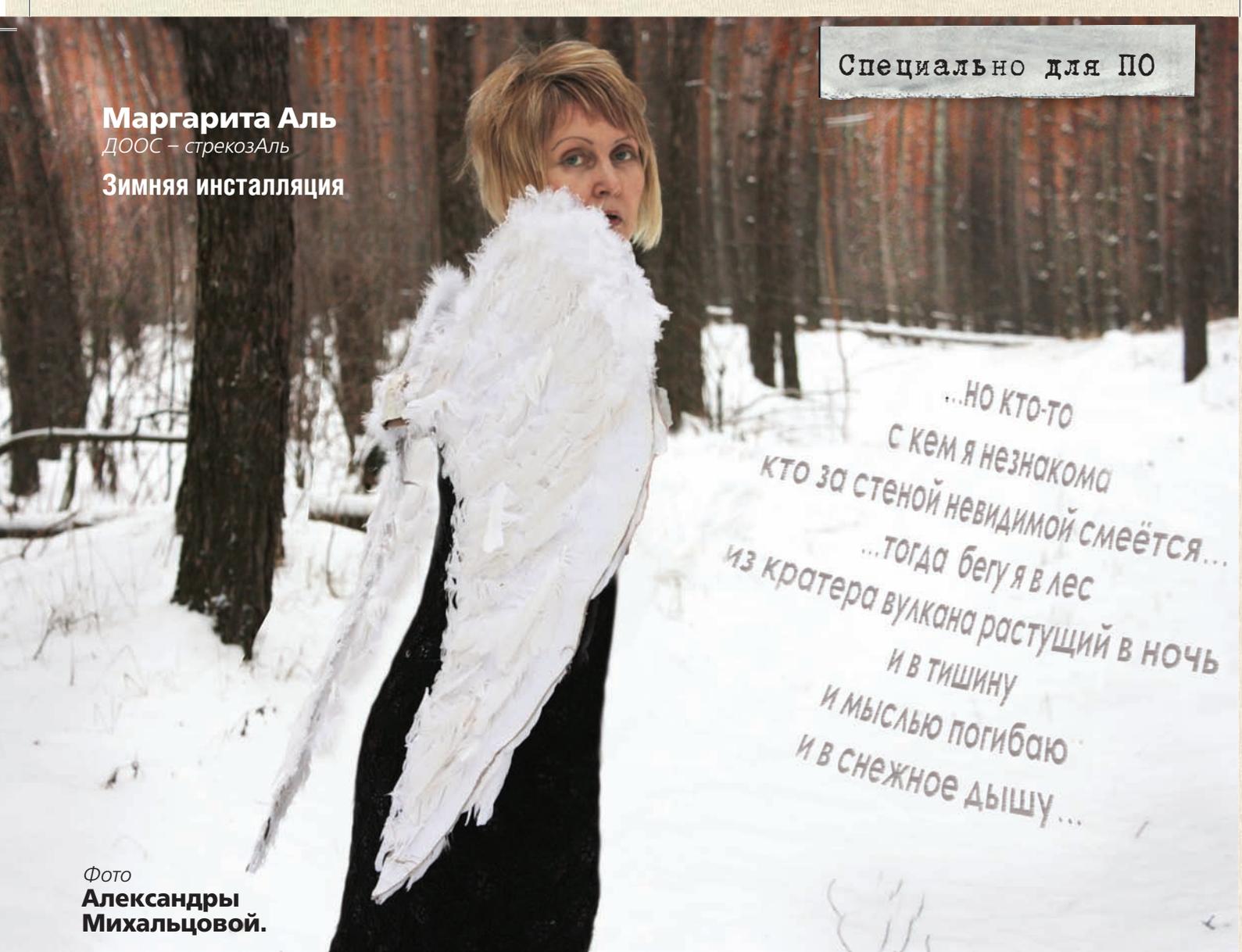

Фото
Александры
Михальцовой.

...НО КТО-ТО
С КЕМ Я НЕЗНАКОМА
КТО ЗА СТЕНОЙ НЕВИДИМОЙ СМЕЁТСЯ...
...ТОГДА БЕГУ Я В ЛЕС
ИЗ КРАТЕРА ВУЛКАНА РАСТУЩИЙ В НОЧЬ
И В ТИШИНУ
И МЫСЛЮ ПОГИБАЮ
И В СНЕЖНОЕ ДЫШУ...

Татьяна Зоммер

ДООС – зоммерзавр

И зачем нас сослали
в эту Сибирь,
где – подснежники колом
стоят за окном
и смертельной
метелью в сердца
нам звучит и звучит
фокстрот –
где зачем
мы послали
в Сибирь сирень.

зазеркальный блеск звезд морозных
отражающий рассыпающий по искрящемуся
в темноте снегу
твои глаза глаза

я иду осторожно ступая по сугробам
очередной новогодней вечеринки
улыбаюсь только что бывшему шампанским
полчаса назад веселью и счастьем
любви и дружбе –

и уже так скоротечно прошедшему прошлому растаявшему
как снег
машинально зажатый скомканный
в руке
кармане капкане будней
боясь наступить
на
непреходящее неотпускающее ни сегодня ни завтра
в твоих глазах вчера вчера вечера
иду осторожно

Виктор Клык

ДООС – австрозавр
Вена, Австрия

Под сенью дебушки на крыше

Каждый дом живёт своей жизнью и будет жить, пока его не сломают, и даже после – в легендах, былях и небылицах бывших жильцов, их детей и внуков.

Мой дом, мой любимый большой дом № 17 по ул. Горького, из которого я уехал в 1959 году, к счастью, живёт и сейчас. Каждый год, приезжая в Москву, я обязательно иду к нему в гости. Я вхожу в арку с улицы Горького, простите, теперь уже Тверской (хотя она для меня по-прежнему улица Горького), в Большой Гнезниковский переулок. Это дом, улица и переулок моего детства и юности. Так они и живут во мне. Слава Богу, Большой Гнезниковский переулок не был переименован. Его можно найти на московских планах ещё XVII века. А своё название он берёт от Гнезниковской слободы (Гнездняков), возникшей аж в XVI веке при создании Белого города Москвы по соседству с Кремлём.

В моём детстве я, конечно, и понятия не имел, в каком древнем и историческом месте живу. Это, да и многое другое, я узнал только 6 сентября прошлого года, открыв замечательную книгу В.Бессонова «Дом Нирнзее (Большой

Гнезниковский переулок, 10)», который называли первым московским небоскрёбом. А получил я её от поэта Константина Кедрова. Окна его квартиры глядят прямёхонько на мои родные окна. В тот же вечер, уходя от него, я впервые обратил внимание на большую фотографию, висящую в вестибюле подъезда. Это очень старая фотография дома № 10, в Большом Гнезниковском переулке с окружающими его домами со стороны Страстной, ныне Пушкинской площади. К моему удивлению, дома моего на ней нет! На его месте стоит каменная церковь, замыкающая Большой Гнезниковский переулок со стороны Тверской улицы и выходящая другой стороной на Тверской бульвар. Из упомянутой книги узнал, что это храм Дмитрия Солунского, построен он в 1791 году в стиле екатерининского классицизма на месте обветшавшей деревянной церкви и снесен в 30-е годы XX века во время генеральной реконструкции Москвы и Тверской улицы, переименованной тогда же в улицу Горького. Дом № 17 по ул. Горького, называемый в народе «Дом под юбкой», был построен на месте снесённого храма незадолго до моего рождения. Туда меня и привезли из роддома в июле 1940 г.

Наша семья из 5 человек – родители, я и два моих брата – жила на последнем этаже в 15-метровой комнате трёхкомнатной квартиры. В двух других, чуть больших размеров комнатах, жило ещё семь человек. Окна квартиры одной стороной выходили во двор, а другой на Тверской бульвар и площадь Пушкина. Жили мы почти под подо-

лом юбки многометровой скульптурной фигуры девушки с серпом и молотом в поднятой руке, которая стояла на высокой башне на крыше нашего дома. Казалось, она раскачивалась на ветру, и порой было страшновато. В конце концов, у неё отвалилась одна рука, и её сняли в 1958 году, опасаясь, видимо, что она свалится на головы пешеходов.

Через год после моего рождения началась война, мы были эвакуированы и вернулись в Москву только в 1943 г. Жили бедно (работал один отец, мама часто болела), еды по карточкам не хватало, и меня отправили в Ярославль к тётушке, старшей сестре мамы. Вернулся я в Москву окончательно только осенью 1947 года, когда пошёл в школу. И сразу окунулся в бурную, по сравнению с провинциальной, жизнь огромного столичного двора. Большая часть ребятни часов с 3-х до позднего вечера практически каждый день крутилась во дворе: играли монетами в «расшибец», стуча ими об стенку; играли в казаки-разбойники, гонялись друг за другом по всему городу. Ареал нашего передвижения простирался от Манежа до Тишинского рынка и от Страстного бульвара до Никитских ворот.

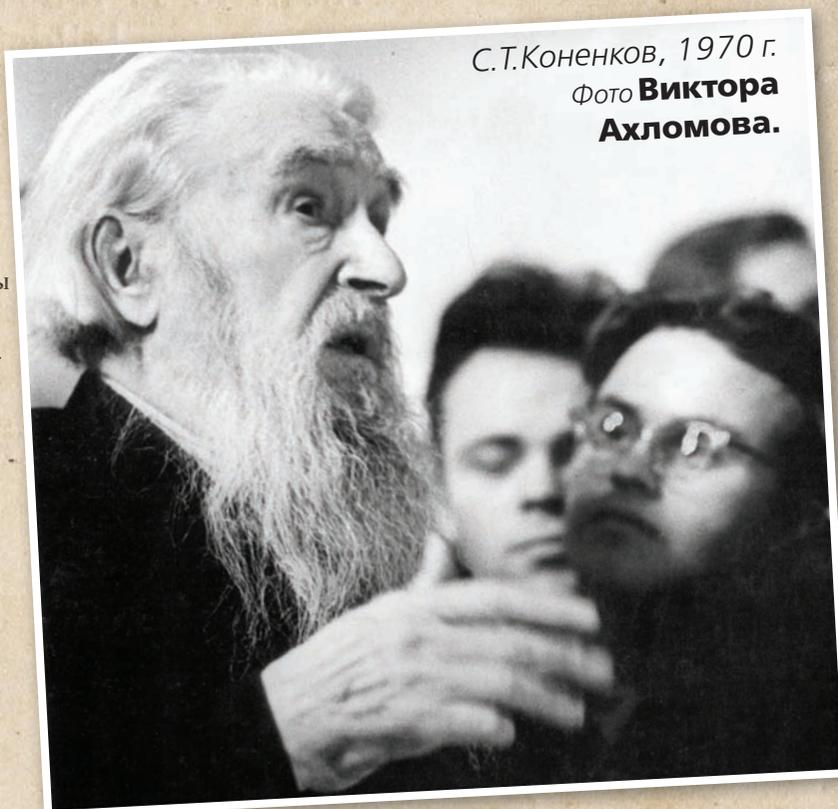
Сейчас представить даже трудно, что мы могли всё это пространство в течение дня обежать порой несколько раз. Очень любили играть в лапту. На неё собирались и пацаны из соседних дворов. Как сейчас помню, играя в неё, получал немало шишек, но не бросал. Нравилось, да и научился переносить боль, что позднее пригодилось в жизни.

Однажды случилось неожиданное. Вдруг все игравшие мальчишки бросились в сторону нашего дома, забыв об игре. Я повернул голову и увидел старца с длинной седой бородой, в голубом балахоне. Он стоял на площадке, ведущей со двора к двери его квартиры, и протягивал нам большую хрустальную вазу, доверху наполненную самыми дорогими конфетами в фантиках. Там были «Мишка на севере», «Красная шапочка», «Цитрон» и др. Это был Сергей Тимофеевич Конёнков – великий скульптор и художник, первый человек искусства, которого я увидел в своей жизни. Его появление потрясло меня. Во-первых, его необыкновенный, божественный, чистый внешний вид на фоне замызганной детворы и двора, во-вторых – это искреннее движение к нам, желание доставить нам всем радость, дать то, что многие могли только видеть на витрине кондитерского магазина в нашем доме со стороны Тверской, и рады были даже куску сахара. Это было потрясающе! Я впервые понял, что есть другой мир – какой-то таинственный и добрый – мир искусства, и с этого дня во мне пробудился к нему интерес.

Мама рассказала мне, что С.Т.Конёнкова недавно привёз из Америки сам Молотов. Сергей Тимофеевич был гостеприимным человеком, часто приглашал детей из нашего дома к себе в мастерскую и всегда угощал конфетами. В мастерской было что посмотреть. Особенно мне

нравились его небольшие скульптуры из дерева: лесовики, бабушка, Стрибог. Летом его мастерская перемещалась на улицу, и со двора можно было видеть, как он работал. Иногда я разговаривал с ним. С возрастом он становился всё больше похож на своих лесовиков – худой, изогнутый, с седой бородой.

Где-то в конце 60-х, после большого перерыва, я проходил мимо его мастерской со стороны бульвара и заметил его сидящим всё в том же синем халате, как в моём детстве, на скамеечке почти у тротуара. Я остановился, поздоровался, присел рядом с ним. Сергей Тимофеевич, кажется, обрадовался мне. Мы разговорились. Он был полон энтузиазма и стал рассказывать мне о звёздах, о новых открытиях учёных. О том, что с жизнью человека его клетки омолаживаются, и он чувствует это и радуется жизни.

С.Т.Коненков, 1970 г.
Фото **Виктора Ахломова.**

Он был полон оптимизма и я вместе с ним. К сожалению, он вскоре ушёл в звёздный мир. Сегодня в его квартире Мемориальный музей-мастерская С.Т. Конёнкова.

В эти же годы внизу, от угла ул. Горького вдоль бульвара до квартиры Коненкова открыли магазин «Армения». От него шёл потрясающий аромат востока, в нём можно было купить восточные сладости и выпить минеральной воды «Джермук» с сиропом. Магазин работает до сих пор.

Ещё в нашем доме жили знаменитые музыканты. Иногда из квартиры в угловом подъезде доносилась музыка – там жил известный пианист и композитор Александр Гольденвейзер. Сейчас в этой квартире филиал музея им. М.Глинки.

В наш подъезд к одной известной певице из Большого

театра заходили в гости Сергей Яковлевич Лемешев и Иван Семёнович Козловский. Я иногда сталкивался с ними. Они были похожи друг на друга: большие, статные, зимой в меховых шапках и в дорогих пубах с бобровыми воротниками под Шалапина. Их все знали и обожали. Они выступали в агитпункте нашего дома, где в 70-е годы открыли кафе-мороженое «Север».

В моём подъезде жил Юрий Владимирович Дуров, замечательный дрессировщик, артист цирка. У него также было помещение с выходом во двор. Он кормил сам свою громадную коричневую гладкошерстную породистую собаку. Крал ей из ведра большие куски мяса. Я удивлялся, как много мяса надо собаке, и завидовал ей, ведь после войны мясо у нас в доме мы видели не часто. Дуров был приятный и гостеприимный человек. Мы с мамой иногда заходили к нему, она в доме занималась общественной работой. Пока взрослые разговаривали, я рассматривал его замечательную квартиру, в которой говорило (у него было несколько говорящих попугаев), пело, трещало множество птиц.

Однажды внизу я ждал лифт. Подходит лифт, открываются двери, и из лифта важной походкой выходят... пингвины! А за ними – сам Дуров. Оказывается, пингвинов ему подарили полярники, которые только что прилетели из Антарктиды. О полярниках и пингвинах я слышал по радио. А теперь вот пингвины жили в моём подъезде, и на них можно поглазеть совсем близко и даже дотронуться. Грандиозно, немислимо!

Говорят, одно время в подъезде рядом с аркой жила Лидия Андреевна Русланова со своим генералом. Сам не видел. Зато достоверно знаю, что в доме жил зам. министра иностранных дел Николай Фирюбин с Екатериной Фурцевой. Трудно разгадать смысл фамилии Фирюбин, если не знать, что в смоленских говорах фирюбиной, называли обыкновенную тряпку. Однажды во дворе побили сына Фирюбина. Был ли он тряпкой или просто не понравился обычным мальчишкам, неизвестно. Но факт остаётся фактом.

Ходили слухи, что в нашем доме жил комендант Московского Кремля. Этого я точно не знаю. Но в одном событии, связанном с Кремлём, я принял непосредственное участие.

Как-то раз, перегнувшись через перила балкона нашей квартиры, я с удивлением увидел внизу, рядом с угловым подъездом Гольденвейзера, ватагу ребят, толпившихся перед раскрытой дверью подсобки кондитерского магазина. Мальчишки по очереди исчезали в ней и явно довольные появлялись оттуда, неся в руках куски чего-то коричневого. Причём, они брали их в рот и откусывали с большим удовольствием.

Я пулей бросился туда, не щадя себя, мгновенно съехал по перилам с седьмого этажа вниз и подбежал к открытой двери. И вовремя, так как орава мальчишек быстро росла. Я проскользнул в подсобку и... не поверил своим глазам: передо мной на картоне лежали остатки шоколадной стены. Это была легендарная кремлёвская стена высотой примерно 25 сантиметров и длиной метров пять, с башнями с красными звёздами, которая в течение многих месяцев украшала стену за прилавком шоколадного отдела кондитерского магазина, где продавались шикарные торты с шоколадными зайцами и ведрами с бутылками шампанского – тоже из шоколада.

Когда стена впервые появилась в магазине, толпы мальчишек из нашего и соседних домов ежедневно ходили смотреть на это чудо. Даже в самых смелых мечтах они не могли представить себе, что однажды смогут дотронуться до этой стены и даже попробовать её на вкус! Я быстро отломал кусок стены, и тут же был вытеснен на улицу вновь прибывающими мальчишками. Должен сказать, что такого вкусного шоколада я не пробовал ни до, ни после. Стена была толщиной сантиметра в три, шоколад был твёрдый, но маслянистый, с горчинкой. Весь наш двор ел шоколадный кремль, и ни с кем ничего не случилось. Я думаю, что начальство магазина просто решило сменить декорацию. Правда, после в магазине ничего подобного больше не появлялось.

Пожалуй, такой же ажиотаж испытал не только я и все жители моего дома, но и вся Москва, когда в нашей кондитерской, и только в нашей, впервые в Советском Союзе появился в продаже торт «Арахис». Что тут делалось! На него записывались вечером, стояли ночь, чтобы на следующий день обязательно купить его. Двор был полностью заполнен плотными кольцами людей, жаждущих получить это лакомое чудо. А теперь не каждый и смотрит на него.

Всё относительно, и ажиотажи проходят. Одни проходят – другие появляются. И так всегда.

В центре Москвы в годы моего детства и юности на улицах и в транспорте часто можно было встретить знаменитых актёров и, чувствуя, что это очень близкие, почти родные тебе люди, поздравиться с ними и получить в ответ кивок или несколько доброжелательных фраз ни о чём. Однажды, когда я был студентом, в троллейбус недалеко от Колонного зала Дома Союзов ввалился под приличным шафе Михаил Жаров. Расположившись барственно на задних сиденьях (народу было мало), он осмотрелся вокруг, увидел меня, жалкого первокурсника, и... сказал: «Дай пятёрку взаймы!» Я растерялся и только вылупил на него глаза. Таких больших денег у меня сроду не было. Он пренебрежительно махнул на меня рукой и вышел на следующей остановке. В другой раз, войдя в троллейбус, я столкнулся с очень знакомым человеком, у которого на носу красовался большой фурункул. Только потом я вспомнил, что это был Алексей Грибов, и поразился – такой человек и с таким неприличным фурункулом!

Жизнь в центре Москвы была наполнена множеством интересных встреч. Но главное, что с раннего детства оказало на меня большое влияние, это то, что вся атмосфера микрорайона, в котором я жил, была пропитана именем и духом Александра Сергеевича Пушкина. Сами названия «Площадь Пушкина», «Пушкинский бульвар» ещё в раннем детстве естественным образом вошли в меня – они всё время звучали в нашей семье, в доме, на улице. Неосознанный интерес к Пушкину перешёл в восхищение и в любовь к нему, когда мама стала читать мне сказки о царе Салтане, Золотом петушке, о рыбаке и рыбке, о попе и его работнике Балде и т.д., и т.д. Это чувство усиливалось ещё и тем, что я жил в районе Москвы, где часто бывал поэт. С семи до четырнадцати лет я ходил в школу и обратно по Пушкинскому бульвару в другой его конец до Никитских ворот. Поначалу мне казалось, что это очень далеко от дома, и мне было грустно и одиноко. Но как-то мама рассказала, что по этому бульвару гулял Пушкин и когда он шёл, то звенели колокольчики и все улыбались ему.

С этого дня всё изменилось. Этот замечательный курчавый дядя в элегантном фраке шёл рядом со мной, помахивая тросточкой, и читал мне свои сказки и стихи. И путь мой уже не был таким скучным и долгим. Весной вместе с ним я пускал кораблики-спички в ручейки, весело бежавшие вниз по бульвару прямо к памятнику Тимирязева. Летом я лазил с ним вместе по деревьям и качался на качелях, а осенью собирал жёлуди под большими толстыми дубами. Это были самые замечательные часы моего детства.

Виктор Клыкков:
«С этого
балкона
я смотрел, как
переезжал
Пушкин».

Фото Елены Кацубы.

В один из жарких июньских дней 1949 года вся Москва пришла на Пушкинский бульвар, чтобы отметить 150-тилетие со дня рождения поэта. Бульвар и площадь были заполнены народом, гремела музыка, вверх летели разноцветные воздушные шары, всюду стояли столы, заполненные книгами поэта, открытками, сувенирами. Наша семья провела на этом празднике целый день. Папа купил толстенную книгу в голубой тканой обложке. Это было только что изданное собрание сочинений А.С. Пушкина. Я любил листать эту книгу, смотреть замечательные иллюстрации, читать и перечитывать его сказки, стихи, поэмы. Часто гулял рядом с памятником поэту на бульваре.

Однажды, выглянув в окно на улицу, я остолбенел от удивления. Памятник Пушкину почему-то ехал прочь от бульвара на другую сторону площади. Сколько я себя помнил, он всегда стоял на бульваре лицом к площади. И вот сейчас мой любимый поэт, стоя на высоком цоколе, на котором были написаны строки его знаменитого стихотворения: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», – почему-то уезжал куда-то от своего бульвара.

Его везли на широкой платформе, сколоченной из досок и поставленной на колёса. Площадь поднималась вверх, поэтому передвигали платформу очень медленно. Потом её остановили на другой стороне площади в начале нового сквера и развернули лицом к бульвару. И вдруг мне показалось, что поэт улыбнулся и поклонился москвичам. Новое место ему явно понравилось. И действительно, памятник стоял теперь значительно выше, чем прежде, и стал её главной достопримечательностью, видной со всех сторон.

Каждый раз, бывая в Москве, я навещаю его и вспоминаю моё детство с Александром Пушкиным и жителями моего большого дома на улице Горького.

Игорь Дудинский, ДООС – дудозавр
Млечный путь (Ватман, гелевая ручка)

Владимир Монахов

ДООС – братскозавр
Братск

Миражи

Безоблачными ночами
земные костры предков
отразились в зеркале
вселенной... А вы
штурмуете небо, считая
звёзды иными мирами...
Лучше разгребите угли
старых костров!

Вечность ослепила
нас жизнью – дав шанс
помечтать о бессмертии.

Фауна космоса

Созвездие Гончего Пса
обнюхивает вселенную:
в ареале Лебедя
пахнет дичью,
где зимуют Раки и Рыбы –
водопоем,
Стрелец сидит в засаде –
любимое занятие хозяина.
И только крохотная
голубая планета
заманивает аппетитной
сахарной косточкой
земных щедрот.

На пепелище неба
ангел обгорелыми крыльями
разгребает осколки звезд,
заново творя красоту
внутри слезинки ребенка.

Пытаюсь разговорить небо:
каждую упавшую звезду
прочитываю как
неразгаданный
афоризм Всевышнего.

Лидия Григорьева

ДООС – стреказанка
Лондон, Великобритания

Тоска по снегу

Тёмная зима

Что-то нынче мало свечек
на небе зажглось.
Как проснешься, тут же вечер!
Или даже – ночь.

И проснуться-то морока,
жить – причины нет...
Кто-то вырубил до срока
весь небесный свет.

Только, завтраком напичнан,
вышел: куча дел!
День обуглился, как спичка,
вспыхнул, закадил.

Эта темь всему помеха,
впору попенять:
нет ни радости, ни снега –
нечему сиять.

Длится, воли нас лишая
и сводя с ума,
эта личная, большая,
темная зима...

Как много красоты в заброшенной аллее,
и снежные цветы, и вьюжные лилеи,

молочные стога, вся в белых перья липа:
глубокие снега, любимые до всхлипа...

И негу, как нугу, тянуть. Как конь телегу,
сквозь мир тащить тугу: свою тоску по снегу.

Мочалить бечеву страданий до момента,
когда влетишь в Москву – из захолустья Кента.

Во все концы видна (и Гоголю из Рима)
страна, как купина, стоит – неопалима.

В заиндеветый дом войдешь (следы погрома),
любовию ведом (как Пушкин из Арзрума).

Смирись и не базарь: живешь, не в гроб положен,
хоть и один, как царь (и как в Крыму – Волошин).

Количество пропаж спиши на Божью милость.
Вокруг иной пейзаж – все видоизменилось:

от Спаса-на-крови и до владельцев новых
на Спасско-Лутовиновых лугах медовых.

Наталья Никулина

Обнинск

● как звёзды,
междометия
между нами.

● от амурных стрел
не открыть e-mail –
так тяжёл.

● ответить взаимностью
на sms-ку
смайликом чувств.

● я помню, помню,
солнце находится там,
где восходишь ты.

● есть теперь, кого кормить.
твой звонок в конце зимы –
божью коровку разбудил.

● когда жизнь
не обдумывают –
она... дичает

● чья жизнь,
кощья или наркомана,
висит на острие иглы?

● жизнь бывает: такая
такая или такая.
никакой жизни не бывает.

● что нужно человеку
кроме любви и бессмертия?
и потому
меж Даосом и ДООСом –
ничего
только Книга Перемен:
и журнал ПОэтов.

● поэт – это божья коровка
у которой
детки на небке.

● хоботки времени
трубят отбой...
так о чём это я?

Журнал **ПО**этов

Фото-композиция **Александра Лысенко** (Вена, Австрия)

Кира Сапгир

оса ДООСа

Париж, Франция

Магия чисел

«Все есть число», – сказал величайший ученый древности Пифагор (570-490 гг. до н.э.), давший людям учение о том, что числа имеют сокровенный смысл. Ведь практически все в нашем мире подчинено числам. Судьба человека предначертана свыше, и Бальзак говорил, что для каждого человека заранее определено и рассчитано количество всех радостей и бед, отпущенных ему, и их характер.

А можно ли узнать, сколько именно бед и сколько счастливых дней предназначено каждому в его жизни? В поисках ответа ученые умы еще до нашей эры обратили внимание на числа, для обозначения которых принято использовать 10 арабских цифр от 0 до 10. Над истинным значением этих значков нумерологи думают и медитируют во все времена, постигая их магический смысл...

Продолжение темы
№ 2-3(35) 2012 г.

Пифагор... Это имя известно каждому из школьных учебников. Но что мы знаем на самом деле об этом Учителе, открывшем Универсальный Закон Чисел? До обидного мало.

Древнегреческая наука, которую современники называют натурфилософией, родилась как Великий Предел Единого знания. Одним из светочей Единого Знания и был Пифагор – философ, Великий посвященный, основатель знаменитой Школы Пифагорейцев, принятый в касту жрецов в Египте, где провел 22 года.

Существуют ли доказательства теории существования Универсального Закона Чисел в иных цивилизациях? Да, существуют. Эти же знания содержат в себе древнекитайская Книга Перемен, а еще Числовой Цветок Жизни календаря майя. У этого Цветка каждое число-лепесток имеет свой собственный структурно-функциональный смысл и значение, отражая в себе свойства, получившие впоследствии имя «нумерологии» – учения о числах, созданного Пифагором. Из этого учения следует, что числа воздействуют на человека. Они могут предопределять судьбу, руководить жизнью людей, приносить удачу или несчастье. Пифагор учил, что каждая геометрическая фигура имеет свою собственную монаду – число, определяющее ее смысл, а каждое число соответствует определенному цветовому сочетанию – и музыкальному аккорду.

Свое знание великий ученый предпочитал передавать устно, так что судить о нем можно лишь по записям учеников. Из этих записей следует, что Пифагор, считавший числа символами Мировых Начал, может считаться не только предтечей всех оккультных учений, но и... информатики.

Числовые суеверия родились едва ли не с возникновением веры людей в сверхъестественные силы. Считалось, что числа имеют над человеческой жизнью непонятную власть – каждое из них влияет по-своему. Известно, что число 3 заряжено магической силой, ибо является символом Троицы. Чтобы отогнать беду, суеверные люди трижды сплёвывают через левое плечо, трижды поворачиваются вокруг оси.

Кроме того, если что-то не получается сразу, предпринимают три попытки. В мировом фольклоре непременно бывают три дороги, три сына, три встречи. Да и обещанного три года ждут.

Число семь пифагорейцы называли символом святости, здорovia, разума. Египтяне считали семёрку символом вечной жизни. В древней Греции его называли числом бога гармонии – Аполлона. Христианские теологи называют 7 «истинно святым числом», как соединением числа 3 (божественного совершенства, Троицы) и числа 4 (мирового порядка). В Библии говорится о том, что Бог создал Вселенную за семь дней; семь животных берет Ной в ковчег. В неделе семь дней, каждый седьмой день и седьмой год свят, после 7x7 наступает Юбилей.

А сколько пословиц базируется на «семерке»? «Семи пядей во лбу», «У семи нянек дитя, без глазу», «Семь раз отмерь, один отрежь», «Один с сошкой, семеро с ложкой», «Для любимого дружка семь верст не околица», «За семь верст киселя хлебать», «Семь бед – один ответ», «За семью морями»... Можно подумать, что сама природа равнодушна к этой цифре: в спектре семь основных цветов, звуковая гамма в музыке разделяется на семь ступеней и так далее.

Девятка – завершение ряда 3x3 (3+3+3) – символизирует плодородие и отгоняет злые силы. А число 30 – символ предательства, позорное число; за 30 сребреников Иуда продал Христа.

Четверку японцы не любят, почти как европейцы число 13. Его и правда есть за что не любить. Когда Филипп Македонский поставил свою статую рядом с 12 греческими статуями на Акрополе, он был убит. Существует поверье, что первый, кто поднимется из-за стола, за которым сидит 13 человек, умрет в течение года. 13 особенно несчастливо, если выпадает на пятницу – день распятия Христа.

Во многих странах это число, прозванное в Средние Века «чертовой дюжиной», и сегодня внушает людям «трискайдекафобию» (боязнь тринадцати), и его всячески пытаются «изъять из обращения». В некоторых авиакомпаниях США

нет самолетов с бортовым номером 13, а в самих самолетах за двенадцатым сиденьем следует четырнадцатое. Нет в США и автобусов с № 13. И во многих американских гостиницах нет тринадцатого номера или тринадцатого этажа.

...Интересно, есть ли на свете человек, родившийся 13-го числа, живущий в доме №13 на 13-м этаже, которому в 2013 году исполняется ровно 13 лет? Думаю, из всего шестимиллиардного населения планеты Земля хотя бы один такой найдется. Но так уж ли он несчастлив? Король Франции Людовик XIII (sic!), например, считал число 13 счастливым. Он даже женился на Анне Австрийской, когда той было 13 лет. У майя и ацтеков 13 также считалось счастливым числом. В их мифологии небо делилось на 13 уровней, в каждом из которых жил свой бог. В календаре этих древних жителей Южной Америки были тринадцатидневные «недели». Тринадцать – символ иудейского народа, состоящего из двенадцати колен Израиля и тринадцатого колена хазар. А Иисус Христос был тринадцатым участником Тайной Вечери, причем само имя Иисуса Христа по-гречески пишется 13-ю буквами. И Коран говорит о тринадцати небесных фонтанах, тринадцати вратах милосердия и тринадцати реках бальзама, которые правверный найдёт в раю.

Подводя под эту закономерность теоретическую базу, пифагорейцы противопоставляли тринадцать – символу Хаоса – двенадцать, символ завершенности и достижения поставленных целей.

«Пушкинские числа»

А.С. Пушкин считал, что число гостей должно быть «не более Харит, не менее Камен» – то бишь не более девяти (по числу Муз) и не менее трех (по числу Граций). Этот визионер вообще был особо чувствителен к пифагорейской гармонии чисел. Его столь же гениальная, сколь и загадочная повесть «Пиковая дама» – тому наглядная иллюстрация.

Оное странное творение Пушкина на самом деле представляет собой истинно магический «балет цифр», где числительные – «пружина», приводящая в движение весь механизм сюжета. В эпицентре – карточная «беспрюирышная» триада: тройка, семерка, туз, подсказанная графине колдуном графом Сен-Жерменом. Первые две карты – тройка и семерка (счастливые и по Каббале и Пифагору); а туз в карточной нумерации равнозначен одиннадцати. Это особое число, связанное с евангельским сюжетом. В притче хозяин виноградника поутру выходит нанять работников для сбора винограда «в третьем, шестом, девятом, одиннадцатом часу». А вечером платит, начав с пришедших позднее всех – и «последние становятся первыми», то есть торжествует Высшая Справедливость. И в сумме же три числа дают 21 – счастливейшее выигрышное ОЧКО!

Графиня воспользовалась подсказкой колдуна, но никому не доверила секрет. А у Германа, узнавшего о трех картах, закипает холодная кровь: «Для кого ей беречь тайну? Три верные карты?! Можно ли верить?» – размышляет герой. И поначалу трезво сам себе отвечает: «Нет! Расчет, умеренность

и трудолюбие: вот мои три верные карты, вот что усмерит мой капитал и доставит мне покой и независимость!»

Тем не менее, жребий брошен. Германн входит к графине в полночь, чтобы силой вырвать у старухи ее демонический секрет – та от страха умирает. Но после похорон в третью ночь – без четверти три (!) призрак раскрывает Германну тайну трех карт. Трижды мечет карты Германн в ту роковую ночь – и на третий раз его Дама бита!

Ибо нельзя обыграть Судьбу. «Счастливые карты» отказались служить Германну оттого, что на самом деле его краплевая триада – сребролюбие, черствость, обман.

«Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть». Это апокалиптическое число уже заезжено, дальше некуда. Но интересно то, что 666-й год по скифскому календарю – год Жеребца (по англ. stalion), звучит практически почти как «Сталин»! Просто зловещее совпадение? Возможно. Но как объяснить другие, не менее провиденциальные?

Линкольн стал президентом США в 1860 году. Кеннеди стал президентом в 1960 году. Разница 100 лет. Оба убиты в пятницу в присутствии своих жен.

Убийца Линкольна – Уйли. Родился в 1829 году. Убийца Кеннеди – Освальд. Родился в 1929 году. Разница 100 лет. Оба убиты без суда.

Секретарь Линкольна по имени Кеннеди настойчиво советовал Линкольну не ходить в театр в день убийства. Секретарь Кеннеди – Линкольн очень настаивал на отмене поездки Кеннеди в Даллас.

Другой ряд:

Наполеон родился в 1760 году. Гитлер родился в 1881 году. Разница 129 лет.

Наполеон пришел к власти в 1804 году. Гитлер пришел к власти в 1933 году. Разница 129 лет.

Наполеон напал на Россию в 1812 году. Гитлер начал войну с Россией в 1941 году. Разница 129 лет.

Наполеон проиграл войну в 1816 году. Гитлер проиграл войну в 1945 году. Разница 129 лет.

Оба пришли к власти в возрасте 44 года. Оба напали на Россию в возрасте 52 года. Оба проиграли войну в возрасте 56 лет.

Мы живем в мире числовых вибраций, и каждое существо, появляющееся на свет, обладает своим индивидуальным числом. В этой незыблемой числовой магии в пределах нескольких измерений – орфическая ментальность, именуемая Душой.

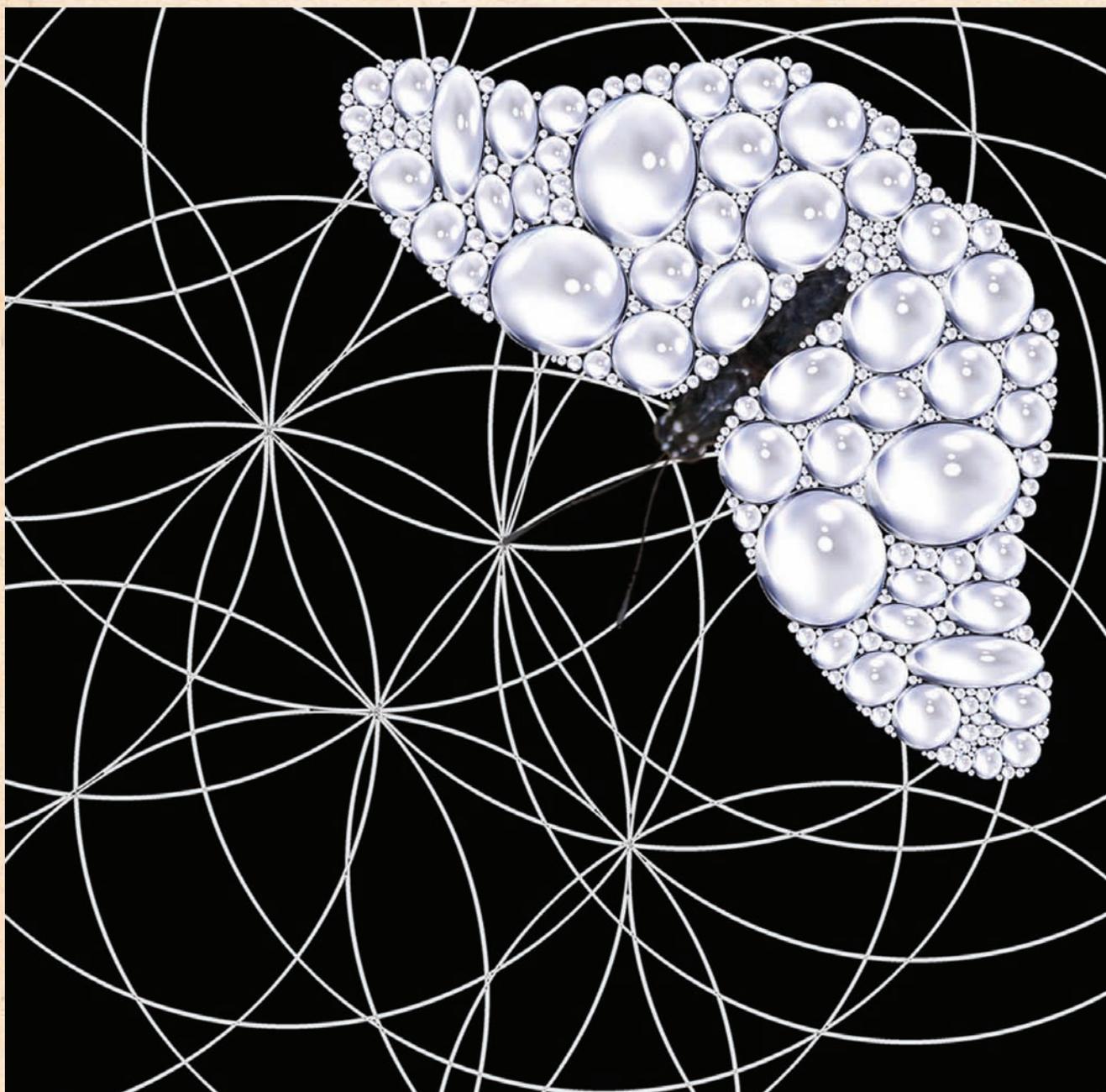
...И, как некогда сказал Посвященный – суфий Омар Хайям:

Управляется мир Четырьмя и Семью.

Раб магических чисел – смиряюсь и пью.

Все равно семь планет и четыре стихии

В грош не ставят свободную волю мою!

Татьяна Бонч-Осмоловская, Сидней, Австралия
Геометрическая композиция.

Анатолий Кудрявицкий

*ДООС – прозостихозавр
Дублин, Ирландия*

Магия гаммы

Вниз по ступеням клавишей в басовые глубины, и вверх соловейчиком в хрустальный хруст. Попутно – колючие дизезы изгородью; обратно – роща засохших бемолей. Пальцеруки обгоняют пальценогов, седалище мудро отдыхает на кожаном. В голове загорается солнце и плавит мысли в литые оловянные нотки. Не подставишь тетрадь – ухихикаются, скатятся через край искать другого мага.

Самомучо

«Бесаме мучо» – мучило беса. «Отстойно», – осело в стакане. Остальное было бахромой снега в рождественском стекле, индейкой протоамериканского обеда, программой безмолвного концерта. «На Истре искреннее, в стране странное», – чрево вещали щели. Но внимание не обращалово, дело не делово, слово не вымолв...

Прежде недоописанное

Перепел свои кричалки, перечитал черное. Тем временем мир повернулся к нему склизким полузабытым. «Гр-ру», – сгрудились гуру. Лошади бессмысла услышали «Тпр-ру», – и всё застыло. Однако мир, не совращая внимания с колеи, продолжал скользить маслено, особенно для ухаживаемых наездников.

Юрий Беликов

Пермь

Что происходит с моей ладонью?
По ладони поземка ползет,
линию жизни переметает
и, удивляясь, встаёт столбом
там, где судьбы сухая рогатина
линию печени красную испарывает.
Стая волков, что на холм Луны
зайца сбивала с дорожки Сердца,
спешно линяет в долину Марса.
Девки-кикиморы, подолы задрав,
ноги уносят с холма Венеры.
Крестики, звёзды, решётки, флажки –
были видны они как на ладони –
нынче их ветер с ладони сдувает!

Так вот пуржит во всем теле мужчины,
если заряд локтевой, мимолётный
женщина-искра исторгнет, пропав.

Руку на отсечение даю
своре цыган, коли это не космос!

Там предъявляют взамен паспортов
створки ладоней, что в луже Земли
стали семейством простейших кулачных,
звёздные схемы прародин людских –
вот почему на Земле мы бездомны.

Космоса вкрадчивый жидкий азот
продолговатую рану ладони
лизет. По локоть в крови мои руки!
Только ладошка капризно чиста.
Чуть заикается, словно опушка,
взятая штурмом ослепшего снега.

Пусть почеркается юная лыжница,
выпорхнув из-за деревьев, на ней.

Татьяна Виноградова

Утро первого января

А.

Ты запрещаешь мне носить бандану
и писать мрачные стихи.
Я запрещаю тебе стареть.
Мы будем жить, долго и счастливо,
и умрем в один день.
Но ещё не скоро. Я знаю.

Призраки новогодних елей мерцают фиолетом
в дискретной подсветке над грязью проспекта.
Серебряные глаза гламурных снегурочек
(нового поколения: огнеупорных и антивандальных)
глядят в упор, не мигая, на всю эту праздничную суету.
Над автобусной остановкой стелется дым
дешёвеньких сигарет. Попахивает безнадегой.
В подземном переходе дремлют в обнимку
бомжи и бездомные псы. У них тоже Новый Год.
И лишь твой профиль в синеватом сумраке рассвета
слегка смягчает этот скрежет бытия.

Мы с тобой будем жить долго и счастливо –
в этом городе, в этой стране..
Ну вот. Опять получились мрачные стихи.
Но – твой профиль в светлеющем воздухе..
И ты берешь меня за руку...

Мы будем.
Долго и счастливо.
Я знаю.

Валерий Байдин

Кан, Франция

СВА

Фрагменты из романа. Начало в № 5-9 2012 г.

Рисунки Сольми,
80-е годы XX в.

Письмо на снегу

Тот разговор с Нотом Сва хорошо запомнил. Оценил и его подарок, хотя забугорную книжицу даже не открывал. Лави отовсюду исчезла. Ни на одной из знакомых тусовок о ней никто ничего не знал. Сва сходил с ума от мрачных предположений, но както утром, в непривычный час, ему позвонил Нот, и он услышал то, чего так боялся:

– Лави в психушку положили, вчера. И, скорее всего, надолго. Подозревают суицидный комплекс, — добавил после вздоха. — Теперь халаты её просто так не выпустят, до упора залечат. Представляешь?

В тот же вечер, страшась своих мыслей, Сва примчался к Ноту домой и тут же начал:

– Не знаю... Но боюсь, всё это из-за меня случилось.

Сбиваясь и часто замолкая, он принялся рассказывать об их последней встрече с Лави. Едва начав слушать, Нот покачал головой и прекратил его самоистязание. Встал и начал расхаживать между окном и дверью:

– После твоего рассказа немного понятней стало. Уверен, ты её никак, ничем... — он пристально глянул и отвёл глаза. — Я от её бабушки узнал. Лави в сильнейшем кризисе, в последние дни никого не хотела видеть, отцу устроила жуткую сцену, отказывалась от лекарств, от еды. С каждым днём всё хуже было. Пришлось насильно везти её в больницу, где-то на Яузе находится. Думаю, что к лучшему, иначе, вполне возможно, повторилась бы та чудовищная история... .

– Это с венами? — встрепенулся Сва.

– Да.

– Скажи, почему она это сделала? Что вообще с ней происходит, ты знаешь?!

Нот скорбно скользнул взглядом по его лицу, сел в кресло, помолчал:

– Я знаю Лави два с лишним года. И всегда за неё боялся. Мы одновременно вошли в систему. Я — через музыку, а она... — он прервался, их взгляды опять схлестнулись, — она тебе что-нибудь о себе рассказывала?

– Почти ничего. Слышал, что живёт генеральском доме, с бабушкой. Провожал её один раз, на «Динамо». Говорила, что любит поэзию. И что в её жизни один мрак, что жить не хочет... — Сва уставился на друга большими глазами:

— Почему так, ты хоть понимаешь? Лави в кресу изза наркоты попала? Или изза меня?! Скажи!

Лицо Нота помрачнело, он снял очки, опять надел, вздохнул:

– Не знаю. Послушай и сам понять попытайся... Отец Лави, правда, генерал. Из полисов или с Лубянки, мне неизвестно. Года два или три назад, после смерти её матери, ушёл к молодой жене, чуть старше Лави, и с тех пор у неё с тёщей почти не бывает. Лави от такой жизни давно плющит, но первый раз она вошла в депрессию — до крезов, понимаешь? — совсем не из-за отца. Её бабушка маме моей по дружбе рассказала — они давно на классической музыке сошлись и к тому же в одну церковь ходят, но не важно, — Нот остановился у окна и медленно провёл пальцами по заиндеветшему краю стекла. — Знаешь, у меня до сих пор кровь леденеет... Лави было восемнадцать, только что в Иняз поступила. Красивая, умная, все в неё влюблялись. Один художник тоже влюбился, немного безумный, как бывает у талантливых людей. Добрый был, много старше неё и, как видно, очень одинокий. Дарил ей свои рисунки — симпатичные пейзажики с церквушками, деревушками — и всё хотел её портрет написать, умолял в мастерскую к нему прийти, позировать. Она отнекивалась, смеялась. То ли он ликом ей не показался, то ли считала его шизиком, то ли папа не одобрил — неизвестно. Когда Лави дала ему понять, что знакомство закончено, он, его звали, кажется, Сигарёв, словно с ума сошёл. Начал носиться по Москве, по друзьям, знакомым. Накануне Нового года стал всех обзванивать и умолять, чтобы к нему в гости приехали, хоть кто-нибудь. Никто не понимал, что с ним, но не придали значения. Одни отказались, кого-то дома не было, кто-то сказал, что приедет сразу после праздников. И к себе его тоже никто не пригласил. Такие друзья оказались... А после Нового года, когда начали к нему названивать, выяснилось, что он пропал. Мастерская открыта, а его нет. Много дней его искали — с милицией, в розыск объявили. И нашли в лесу, недалеко от Москвы, насмерть замерзшим. Говорят, рядом на снегу валялась папка для рисунков и лист с начатым женским портретом. На нём карандашом было косо написано много раз одно и то же: «А любовь не умирает. А любовь не умирает...» Представляю, такие корявые, друг на друга налезшие буквы.

Сва шумно выдохнул и, согнувшись в кресле, закрыл лицо:

– Ужас! А Лави?

– Она об этом ничего не знала. Но через какое-то время её как свидетельницу на дознание вызывали. Рисунок этот показали, а она в нём — представляешь? — себя узнала! Или ей померещилось? Трудно сказать. А еще эти предсмертные каракули... В общем, через пару дней Лави в кресу загремела. Выписалась, впала в глухой смур, ушла из института, всё забросила, держалась только на таблетках. И тогда одна подруга привела её в парадняк. Тут у неё новая жизнь началась. Из тусовок не вылезала, на гитаре начала играть, петь, песни сочинять, стихи. Все её сразу полюбили...

Нот отошёл к окну, голос его дрожал:

– Она слишком доверчивая была. А после истории с этим художником всё боялась кого-нибудь обидеть. Всех любила, в больницы к знакомым ездила – прямо сестра милосердия. Непостижимо! Добрая, красивая, тонкая необычайно, а напоролась на мерзавца. Мелькал тогда у нас в парадняке тип один, клеился к ней. Можешь догадаться, что он с ней сделал, если она опять в психушку залетела и уже надолго, месяца на три. А потом... Я чувствовал, что она на наркоте садится. Сколько раз пытался её отговорить, хотел помочь, другом хотел быть. Не вышло. Понимаешь, она сломалась. От боли.

Нот прервался и бессильно смолк.

– Значит, всё началось задолго до меня, – произнёс Сва и мрачно спросил:

– Скажи, а что это за история, в которую она год или два назад попала?

– То есть?

– Дик говорил, вроде бы её несколько ублюдков, собачка...

– Кому ты веришь? – Нот поморщился и замотал головой. – Если б такое случилось, её отец всех бы по стенке размазал. Нет, ей и одного уroda хватило. Такая вот чудовищная судьба...

Проснувшись среди ночи, словно в разгар дня, Сва, шуря от слёз, представил по кинофильмам и книгам, как Лави насильно вкололи дозу транка, погрузили в кресовоз и привезли в больницу-тюрьму с женской охраной в белом и решётками на окнах.

е. Дом на Язуе

Первая утренняя мысль была немедленно ехать к Лави и попытаться её повидать, хотя бы передать записку и букет цветов.

– Нот, ты знаешь фамилию Лави, её цивильное имя? – телефонная трубка прилипла к вспотевшей руке.

Слушая сонный голос друга, Сва едва сдерживался от нетерпения.

– А что ты надумал?

– Хочу к ней в больницу поехать.

– Вряд ли получится.

– Почему?

– Я слышал, к тем, кто там, только близких родственников пускают.

– А друзей, самых близких?

– Не уверен. Ты когда-нибудь бывал в таких заведениях? То есть, навещал кого-то?

– Нет.

Нот вздохнул:

– Лучше для начала с её бабушкой посоветоваться, она то к Лави точно ходит.

– К чёрту бабушку! Лави там погибает! – сорвался Сва, но тут же опомнился. – Прости.

– Ты хоть представляешь, где больница?

– Нет, подскажи! Где-то на Язуе, ты говорил.

– Да, надо на метро до Преображенки ехать. А в каком она отделении? Ты же не знаешь.

– Разберусь. Спрошу у кого-нибудь, у главврача, не важно.

– Это ведь женское отделение, вряд ли тебя туда пустят.

– Она же не среди буйных. Неужели нельзя букет цветов передать, издали пару слов сказать? Это же бесчеловечно. Каково ей там, представь!

– Предельно тяжело, что говорить... Сва, дорогой, раз надумал, поезжай, вдруг получится. А когда вернёшься, позвони. Нет, я сам тебе позвоню. Записывай имя и фамилию!

Сва захлопнул блокнот и тут же оборвал разговор:

– Спасибо, пока!

Целый час в центре Москвы он искал свежие цветы. Шёл январь, и до грузин с мимозами было ещё далеко. На улицах порхали редкие снежинки. Лишь в одном цветочном магазине ему, что-то разглядев в лице, вынесли комнатную фиалку – бледно-голубую, трепетавшую в маленьком горшке. Неся цветок за пазухой, словно котёнка, Сва замедлял шаги и время от времени дышал на лепестки, оберегая от мороза. В метро расстегнул куртку, взял фиалку на руки и попытался уловить её запах. Пахло землёй – весенней, только что оттаявшей. Улыбнулся, отгоняя печаль:

– Принесу ей первую проталинку – в знак надежды, пусть не с подснежником, а с фиалкой.

Как найти психбольницу, подсказал полис и внимательно проводил взглядом. Сва бродил между корпусами, глядел в незрячие, зарешёченные изнутри окна. Впервые в жизни был он в подобном месте. Отовсюду веяло тихой неведомой жутью, казалось, вот-вот из-за оконных стёкол, из дверей, из-за угла раздадутся душераздирающие крики. Между зданиями потерянно ходили по снеговым тропинкам одинокие люди, а прямо навстречу шла женщина в шубе, её голова была нелепо закутана в шаль. Она остановилась, повернула к Сва лицо со страдальческими, слёзными глазами в коричневых глазницах и спросила:

– Скажите, когда наступит весна?

– Ээ... – замялся Сва, испуганно вглядываясь в стран-

ное лицо.

– Вы тоже не знаете. Никто не знает.

Она отвернулась и медленно зашагала дальше. Стало не по себе.

– Надо было сказать, что скоро, цветок показать, – мучился Сва и не мог понять. Кто эта женщина? Глаза, как у мученицы. Почему она здесь ходит? Неужели и Лави станет такой? Или уже стала?

Секретарша главврача оборвала его на второй фразе и отправила в приёмное отделение. Едва он открыл там рот, женщина в белом халате раздражённо крикнула, будто давно была с ним знакома и в который раз гонит прочь:

– Не понимаю, чего вы от нас хотите? Здесь приёмное отделение, здесь больных нет!

Пришлось долго молчать, умоляюще блистать глазами, перетаптываться у входа и ждать её милости. Пахло хлоркой, в душном воздухе запах цветочной земли бесследно пропал.

– Ну, что стоите? Не надоело? Вы кто ей, родственник?

– Близкий... – двусмысленно ответил Сва.

– И не знаете, в каком отделении лежит?

Сва помолчал и опять просительно глянул:

– Так получилось. Отец с ней не живёт, мать умерла, и бабушка заболела. Лучше было их не беспокоить.

– Идите, в восьмом она!

Через дверь восьмого отделения на него долго взирал железный глазок со стеклянным подвижным, пугающе зрячим зрачком. Грубый женский голос недовольно и глухо выпрашивал, зачем и к кому он пришёл. Потом дверь открылась, и толстая санитарка сердито глянула на Сва выпученными глазами:

– Цвиты ни принимаим, тока еду.

– Ну, пожалуйста, возьмите! Она – моя невеста, – добавил он сходу. – Весна ведь скоро.

– Што удумал. Цвиток принёс. Атчудил, жиних, – удивлённо пожевала губами санитарка и ещё раз оглядела его с головы до ног. – Самта ни атсюдова? Нибось, бывший?

– Это фиалка, смотрите какая! – Сва невозмутимо улыбнулся в ответ.

– Ладна, пазаву. Тут врачи всё ришають. Сиди здесь, – она указала на один из шатких стульев около накрытого кухонной клеёнкой стола.

Сва присел рядом с дребезжащим холодильником и поставил цветок на стол. Стареющая женщина в белом несвежем халате, с напряжёнными глазами на бескровном лице вышла из-за двери, посмотрела на цветок и уже более пристально на Сва:

– Вы её брат?

– Я её жених, по сути... – поднялся он со стула.

– Понятно, – женщина помедлила, ещё раз кольнула взглядом. – Должна вас огорчить. Свидания с больной возможны только для членов семьи, для самых близких.

– Но она ведь почти одна. Семьи-то, по сути, не осталось. Мать умерла, отец ушёл к другой, бабушка болеет. Мы с ней должны были вскоре пожениться.

– Понимаю, но в её состоянии она не может видаться ни с кем другим.

– А что с ней? Очень плохо?

– Лечение идёт трудно, – уклончиво ответила врач.

– Ну, хоть на минутку повидаться с ней можно?

– Нет, я вам уже объяснила, молодой человек.

– Я для неё фиалку принёс. Передайте, пожалуйста! Это будет для неё как лекарство.

– В отделение передавать цветы строго запрещено. Тем более в горшках.

– Но почему?

– Ваша... невеста, как вы говорите, не должна видеть ничего, что может её взволновать. Ей сейчас очень трудно. Понимаете?

– А записку можно написать? – Сва потянулся к блоку.

– Записки больным передавать запрещено, категорически!

– Ну, если ничего нельзя... Возьмите хоть вы себе этот цветок! – отчаянно глянул на неё Сва. – Назад я его не понесу.

– Хорошо, пусть на столе остаётся.

– А она сможет его увидеть? Хоть случайно?

– Не думаю, прогулки ей пока запрещены.

– Скажите, надолго она у вас?

– Ничего не могу сказать.

– А если я через пару дней... через неделю приду, вы разрешите с ней повидаться? Я еду ей принесу, фрукты.

– Еды у неё предостаточно. Ей отец через день разные деликатесы пакетами носит.

– Вот как? Отец приходит... – Сва удивлённо замолк. – А если через месяц придти?

– Не знаю, что будет через месяц. Но, повторяю, посещать её могут только ближайшие родственники. Вы к таким не относитесь. Вам понятно?

– Значит, бесполезно приходить?

– Абсолютно. Лучше наберитесь терпения. И скажите спасибо, что я не вызвала охрану и не спросила ваших документов. Да-да! Вы ведь понимаете, о чём идёт речь, о какой уголовной статье?

– Но я же...

– Всего доброго.

– Вам также, – едва выдохнул Сва.

– Спасибо за цветок, – неожиданно, без улыбки, кивнула врач и скрылась за дверью. Ему показалось, что напоследок в её взгляде мелькнула не угроза, а слабый отсвет человеческого сочувствия.

В тот же вечер они долго говорили с Нотом по телефону и поочерёдно тяжело вздыхали. Обоими владели тягостные мысли, о которых не хотелось говорить вслух. Но под конец, перед тем как сокрушённо опустить телефонную трубку, Сва вновь услышал елова, от которых его шатнуло и прижало к стене:

– Ясно одно, после больницы её надолго запрут в палатной квартире. И неизвестно, увидим ли мы её вообще. Теперь о ней можно только молиться.

f. Душа в свободном падении

О каких молитвах говорил Нот, этот милый чудак? Кому, зачем нужна эта чепуха, когда на душе мерзко от звариной тоски, бессилия, жалости к Лави и самому себе? Халаты вытравят из неё всё живое, превратят в убожество без пола и возраста, доведут до предела, за которым теньями бродят неведомые существа. Ужас – столкнёшься с нею лоб в лоб, а она тебя не узнает, даже не заметит. И будет где-то жить – долго, бессмысленно, как комнатное растение. Та, благодаря которой так ослепительно вспыхнула жизнь, неизвестно когда вернётся. Да и кто вернётся вместо прежней Лави, с её горькой, такой желанной любовью?

Восторженное пространство, разом открывшееся в груди для неё одной, заполнялось тяжёлой, пыточной болью. Сва было всё равно: спиться, вслед за Лави сойти с ума, сторчатся – лишь бы исчезла невыносимая тяжесть или попросту кончилась жизнь. Никого из друзей и знакомых не хотелось видеть. В жалкую пыль распались прежние убеждения. Надвое раскалывался мозг, двоилось сознание, отказываясь осмыслить происходящее. Он не в силах был противостоять новой, мрачной одержимости, пытался выжить, как получится – стиснув зубы, закрыв глаза, махнув на всё рукой. Искал беспометства, бесчувствия, забвения любой ценой.

В эти дни в тетрадке для записей появились полторы исчерканные страницы криво бегущих строк:

Смешно называть страсть безумием или как-то ещё. Никаких объяснений для неё нет. Всё придумано после, искажено рассудком. Тело боится слов, не понимает, жаждет провала в бессловесное, в миги иной жизни. Все слова от ума, а тогда наружу рвётся чистая заумь. Голова освобождается от мыслей, тело — от души. Почему, кем в нас заложено это влечение, которое и звать не хочет никакой любви? Почему плоть ликует, а сердце безмерно скорбит? Будто ты в очередной раз умер, и вместо тебя живёт другой человек, тянется к женщине, забыв всё на свете — прежнюю жизнь, любовь, знания, поиски истины? Неужели мгновения выхваченного у природы блаженства важнее всех усилий духа? Взрыв телесной одержимости ценнее любой мудрости? Почему? Потому что тайна жизни выше нас, выше любви и греха? Жизнь начинается будто случайно, в ослеплении страсти, а нас, как своё покорное средство, отбрасывает прочь. Это непостижимое, сладостное проклятие приходит в юности — незаметное, как будущая болезнь. И вот ты уже другое существо. Тело опьяняется неведомой жаждой, сбегает от разума в дикий мир и не желает возвращаться. И подругому жить не хочет, не может, страдает, сводит с ума, требует полной власти! Пусть лишь на несколько обморочных минут. Этого достаточно, чтобы поколение за поколением воспроизводить себя, ускользая от сознания и воли. От кого она, эта чёртова плоть, втиснутая в сердцевину естества? От Бога? Поцелуй, объятия, нелепые движения больших детей. И вот она — это я, я — это она. Несколько порывистых вздохов, жидкая жизнь рвётся наружу и плавит сознание. Но стоит открыть глаза, увидишь, как из неимоверного далека бессмысленно взирает на тебя чужая, забывшая себя душа.

Против воли Сва вспоминалась череда похожих на юношеский ночной бред любовных встреч, в которых слепыми рывками жило одно лишь тело. Всё началось почти случайно, от отчаяния, когда внезапно и мучительно умерла его первая, три весны длившаяся любовь. Но озаренное восхищение, которое он жаждал обрести, не возвращалось, бесследно таяло в чужих глазах, терялось в одинаковых поцелуях, торопливых объятиях, пустых словах. В один из дней он понял, что нужно остановиться, омертветь и, медленно оживая, вновь начать искать ту, без которой жить не имеет смысла. И она появилась. Но сразу же, будто околдованная неведомой силой, выскользнула из объятий, ушла в нескончаемую ночь, туда, где безумие тьмой восходит из-за края земли и до самого неба заполняет мир. «Лави не вернётся!» – ужасался Сва своим предчувствиям, не желал им верить и не знал, как жить дальше.

Всё опять рухнуло, и его понесло по бессмысленному кругу. Он это понимал и мучился из-за своей скрытой ото всех жизни, в которой ни разум, ни душа почти не участвовали. Каждый раз рядом с очередной знакомой в нём на несколько мгновений оживала тоска о потерянном счастье. Погружаясь в печаль, содрогаясь от мучительного, блаженного недуга, обречённо и неистово бился он в женском лоне, словно в нескончаемом тупике, пытаясь вырваться к настоящей любви, к истинной свободе...

Вычитание чувств

[...] Сва замечал, как одно за другим исчезают его чувства. Первыми пропали восторг и страсть.

– Неужели во мне всё сгорело?.. Если так, чего я ищу?

Словно чудо, вспоминал он свои юношеские поцелуи и писал в тетрадке, пытаясь одолеть скорбь:

Как быстро исчезла эта очарованность – трепет, желание, которое выше всего, что за ним следует. Красота каждого взгляда, слова, движения, дурманящая нагота, тихое блаженство рядом с той, любимой. Поэзия во всём, неожиданные рифмы души с другой душой, тела с телом, поющие голоса чувств, вдохновение выше смысла... Женская красота никогда не сможет себя познать. Только мужской любви открывается истинная женственность – блаженственность, движенственность, боженственность – в лице, взгляде, голосе, руках, походке. Для чего дано нам всё это? Чтобы выжить.

Ночами и наяву он без конца переживал задыхающееся начало своей первой любви. Всё оборвалось нелепым, неправдоподобным, как долгая галлюцинация, расставанием.

– Идиот! Я всё выбросил! — в бешенстве кричал он и пытался отыскать телефон, по которому столько раз звонил – с робостью, нежностью, ненавистью, отчаянием... А вдруг она не замужем? Вдруг ещё любит? Позвоню, скажу, что без неё жизнь так и не заладилась. А там

будь, что будет. Лишь бы покончить с этим кошмаром, не начать пить и не сторчатся.

Над ночным городом шёл бумажный снег. Падали из прошлого разорванные в мелкие клочья страницы его стихов. Одна, две, несколько букв. Ничего нельзя было из них понять, никакого смысла в них не осталось: блю... те... я... лю... смер... гда... бовь... ошай... нец... нет... нет... нет... нет... Два дня Сва болел гриппом и всё искал в записных книжках, пытался вспомнить вырванный, выброшенный, силою стёртый из памяти телефонный номер. Наконец, обозлившись на себя, с силой вцепился в волосы и крикнул:

– Раз так, провались всё пропадом! Всёоо!

Вздрыгнул, услышав свой хриплый от долгого молчания голос, очнулся и бледной полутенью поплёлся на филфак.

Никтожества

Надо было писать реферат. Сва не вылезал из библиотек. Но каждый день несчётное число раз вспоминал Лави, стальной глазок в дурдомовской двери, её слёзы на ночном проспекте, их объятия и те мучительные стихи с которых всё началось.

– Почему она мне их читала? Именно тогда? Зачем затеяла этот разговор, похожий на приговор – самой себе, ему и всему на свете.

От бессилия что-либо изменить Сва подолгу закрывался в своей комнате, наедине с большим бесцветным небом. Никто ему не звонил, и он никому не хотел звонить. Даже Ноту, хотя каждый день, теряя надежду, всё ждал от него звонка:

– Если он и правда друг, объявился бы. Знает ведь, что без Лави мне тяжело, что погибаю один. Мне пары слов по телефону хватило бы... Значит и ему неохота со мной возиться, он только на музыке да на церкви заворачивается. Ладно, пусть.

Лишь мама дважды пыталась выяснить, что с ним происходит, но вздыхала и отступала, страшась его угрожающего голоса: «Всё нормально. Денег не надо. Живу, учусь. Не болею. Всё идёт, как полагается. Всё, как надо...»

В глазах несколько дней стояли слёзы, приходилось скрываться от соседей, лежать, шататься по комнате, подолгу смотреть в открытое окно. От зимнего воздуха медленно леденело лицо и становилось легче. Два десятка любимейших книг оказались таким же собранием бессмыслицы, как и все остальные. Никому мудрость не помогла найти любовь.

Даже гении всегда были несчастны. Талант бессилен перед жизнью. Красота не спасёт мир. Лави поняла это раньше других.

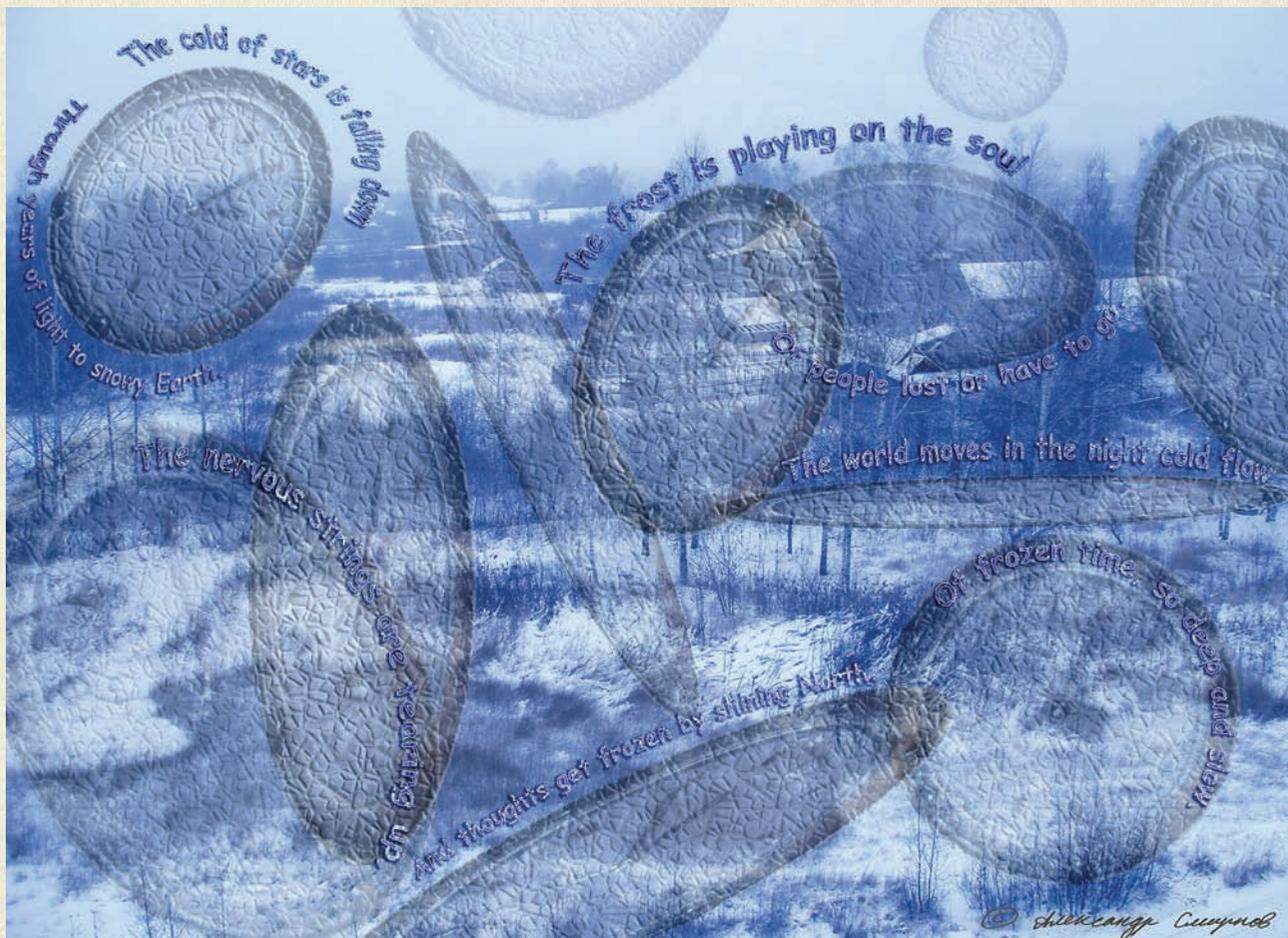
Увидев свою тетрадку на столе среди грязной посуды, Сва однажды записал:

Боль неизбежна. Остаётся принять жизнь, как заболевание, выживать в одиночку. Но для этого нужно хоть за что-то ухватиться, во что-то поверить.

Александр Смирнов

кандидат физико-математических наук
Ярославль

Frozen Time

The cold of stars is falling down
Through years of light to snowy Earth.
The nervous strings are tearing up,
And thoughts get frozen by shining North.

The frost is playing on the soul
Of people lost or have to go.
The world moves in the night cold flow
Of frozen time, so deep and slow.

Надежда Агафонова

Николаев, Украина

Снеговиковы страшилки

1

Девочка Таня, тонкая талия,
Терпнет во рту карамельный гербарий.
Веточки-пальцы, морозные губы.
Девочки Тани скоро не будет.

Тлеют снежинки на розовых веках.
Вот и слепили мы человека.
Вот и привет от овечки Долли.
Танечка тает в еловом костёле.

2

Снеговик снеговiku – человек.
Человек снеговiku – шумный Бог.
Не лепи по одному. Это грех –
Одинокий белый дух в Новый год.

Каждый снежный имярек – это крик
В раскалённой добела тишине.
Если в боги метишь – вспомни язык
Говорящей лужи в каждом дворе

Валентин Никитин

ДООС – теозавр

Тьма за окном, и нет луны,
Откуда ж в небе странный блеск?
Нет звезд, не падают они,
Но почему я слышу всплеск,
Далекий отголосок, гул...
Он шаровиден и округл, –

Как эта ночь!..

Тьма за окном,
И нет окна, и окон нет,
Как будто поглотил дракон
И Млечный путь, луне вослед,
И шар земной, и окоём,
Что сжался в кокон за окном.

Так взгляд замкнулся, сам в себе,
Бутоном, что не расцвел пока,
Как боль в нечаянной мольбе,
Когда к отчаянью близка;
Но лишь в молитве благодать,
И лишь цветку благоухать!

Хоть тьма, и ночь, и нет луны,
Я вижу в небе странный блеск;
Неуловимы, но слышны
Движенья звездных арабеск,
Комет мерцанье, тишины
И ангельских воскрылий всплеск.

Прорвется кокон,
чтоб сквозь сон
Душе бутонем расцвести,
Под купол взмыть
в раю земном
И мир увидеть с высоты,
В ночь, на заре, когда уйду
За окоём, но не умру.

Едва слышна, но всё слышней
Мне музыка небесных сфер
За гранью звездных витражей,
И дух – судьбы визионер.
Душа взлетит в ином краю
Под купол, как в земном раю.

«И свет во тьме светит,
и тьма не объяла его» (Ин. 1,5)

Свет хорош от начала времён,
Потому что от тьмы отделён;
Сам Создатель назвал его днём!

Свет – поток, обращаемый вспять,
Его тьме никогда не объять,
Всажен в ночь, как клинок в рукоять.

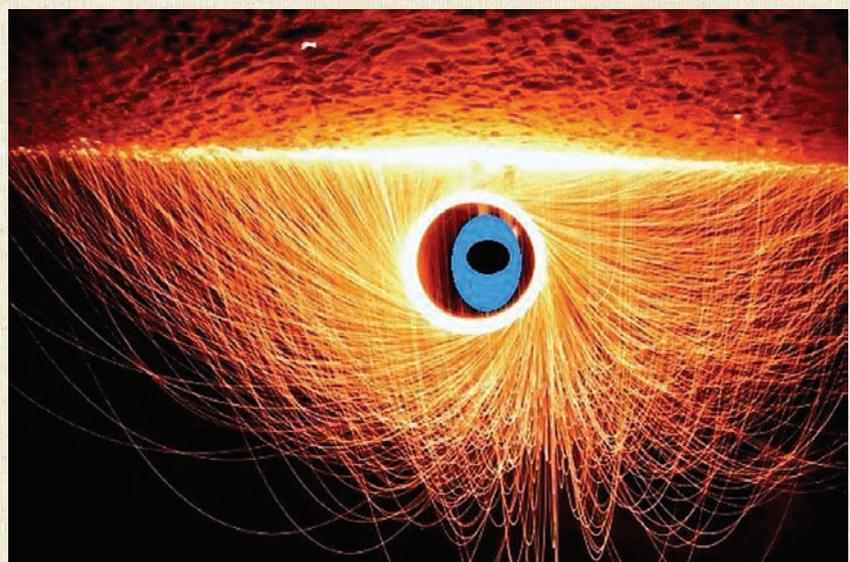
Даже призрачный свет у луны,
Что мерцает как бы взаперти,
Отделён от ночной темноты.

Лунный, тихий, таинственный свет
Полупепелен и полусед,
Но струится за звездами вслед...

Днем горит золотой ореол –
Откровения свыше Глагол,
Что кромешную тьму поборол.

Мир во зле, если тьма в нем царит,
Но при свете красив лазурит;
Злая мгла свет добра не затмит.

Свет сияет, и тьме не объять
Дивный свет, – ибо в нем благодать;
Светоносному дню исполать!

Коллаж **Татьяны Зоммер**
специально для ПО

**Кристина
Зейтунян-Белоус**
ДООС
Париж, Франция

Загадай желание

Марина Розанова

Не бояться Паяца

Вы встречали Паяца? Передо мной он вырос посреди Тверской, длинный, худой, юркий, само воплощение торговца судьбами, и, с кокетством вихляясь, стал предлагать мне взглянуть на варианты, Интересно, много ли он встречал тех, кто отказался?

Что бы мне тогда было дать судьбе выбрать меня... Так нет. Суть бабы — судьба бы. Вместе со мной судьбы суетливо примеряла группа людей.

Я довольно быстро распознала, в чем хитрость Паяца. Расхваливая предложенные судьбы, он незаметно делает тебя товаром для других покупателей. Стоит замешкаться, не заметишь, как самого кто-то приобретает в качестве судьбы. Судьбу Паяц старался продать, а если не брали, притворялся, что награждает судьбой, а когда не получалось, то дарил, а если и этот номер не проходил — пытался навязывать. Как любой торговец, Паяц первым делом постарался мне сбыть неликвидный товар.

Первым вариантом был тот, кто назвался Владыкой Мира. Он потребовал, чтобы я ему немедленно отдалась. Я не знала, хочу ли я отдаться, потому что не представляла, о чем речь. А узнать хотелось, и я согласилась. Очнувшись, я обнаружила, что рядом со мной ползает таракан, и не со зла, скорее машинально, я прихлопнула его тапком. Тот, кто называл себя Владыкой Мира некоторое время обескуражено рассматривал труп таракана, а потом молча ушел. Я слышала, он рано умер. Желаящих называть себя Владыкой Мира попало еще несколько, все они удалялись рассерженные, один даже крикнул мне вслед «Мадам, вы стерва!» До мертвых тараканов, слава Богу, больше дело не доходило. Таракан в моей жизни появится потом, много лет спустя, большой и черный. Сидел посреди кухни и шевелил усами в сторону висящей на стене картины. Я повернула голову. Вместо привычного изображения, к которому я была сильно привязана, с полотна на меня смотрел портрет Владыки Мира и ухмылялся. Я завопила со всей своей истошностью. Примчался муж и спустил таракана в канализацию. От оцепенения я не успела остановить мужа. Таракана мне было жаль, мало ли что мне может померещиться, он ничего плохого не делал, только усами шевелил... Кажется, Будда загадал коан, может ли таракан быть Владыкой Мира. После кончины черного таракана мне

на голову свалилась картина со стены и очень больно набила шишку.

Будда, а можно этой шишкой ограничиться?

Когда снова появился Паяц, вид у него был уже не столь самодоволен. Кинул в меня клубком из шелковых нитей, допил недопитую мной чашку кофе и сердито удалился. С тех пор я кофе не пью.

Нитка от клубка Паяца потащила меня в Талды-таракань, скорее всего в насмешку, потому что к тому времени тот, кого я там искала, весь перемолотый оттуда уже удрал и быть моей судьбой не собирался.

Однажды, взявшись за руки, мы перешли через полную опасностей дорогу, когда мое малейшее неподчинение его руке означало бы смерть. Его экскурсии по Вселенной потом пришлось пару-тройку веков подождать, хоть умение ждать — не моя сильная сторона. В стеклянном шаре мы с ним поднялись над землей, и сверху я увидела все лучшие места мира, которые слились воедино, при этом не соединялись, но сверкая всеми красками и излучая свет.

Летело ли тело? Где-то сосуществуют наши сущности, а как они сосуществуют, я могу только догадываться. Что-то земное сбросило меня вниз.

Паяц сунул мне в форточку глумливую физиономию, положил на подоконник коробку приторных пирожных и многозначительно пояснил — «эксклюзив». А, я, дура, всегда была любительницей эксклюзива. Эксклюзив оказался Драконом-пожирателем жертв во имя искусства. Искусство — его, жертвы — женские. Паяц брал меня «на слабо». Всех пожирает, но ты — не все?

Я не сразу сообразила всю трагичность подsunутой Паяцем судьбы. Быть сожранной Драконом или жизнь с пожирателем женских жертв — нелегкая альтернатива. К сожранным женским жертвам он, как водится, терял всякий интерес. Они его караулили, рыдали, наконец, травились или, как минимум, пытались. Я все поняла, и что толку? Понимать — не значит уметь. Закон «лягушки»: если лягушку научить таблице умножения, а потом отдать естествоиспытателю, то лягушка, знающая таблицу умножения, будет также дрыгаться от воткнувшихся иголок, как обычная лягушка. Перспектива строчить любовные стихи вместе

со всей армией бесчисленных женских одиночеств, умиленные до пошлости... Паяц уже совсем было с удовольствием потирал ладонки, как меня осенило... Чтобы не быть сожранной Драконом, надо кинуться ему на шею. Драконы пожирают только убегающую жертву. Когда жертва летит ему навстречу, он пугается и прячется. Хрен ее знает, чего от нее ждать, от сумасшедшей. Знает ведь: мы – ведьмы...

Я порыдала немного, как положено, пока снова не возник Паяц с пугающей серьезностью. На этом этапе он посчитал меня равной себе, посчитав мою наивность, граничащую с идиотизмом, изощренной хитростью, Паяц положил мне на плечи руки, и передо мной возник светящийся Шар. Мне предлагалось разделить судьбу самого Паяца. Опять просчитался Паяц. В Шаре отражается все знание мира, отразилась и его лукавая физиономия.

Судьба Паяца – получать удовольствие, играя чужими судьбами. Это не для меня, но Шар забрать у меня Паяц был не в силах. Шар все решает сам, и он остался со мной навсегда, правда, возникает только тогда, когда посчитает нужным. Мы уходим, сохраняя форму Шара, а потом Шар поднимаясь выше, растворяется во Вселенной, а наши частицы летят, перемешиваясь. «Откуда я тебя знаю?» – «Здесь нет имен, но мы все друг друга узнаем». Мы возвращаемся, но уже другими, с хаотично переплетенными атомами, и, бывает, узнаем свою прежнюю частичку в чьих-то глазах, и это называется – не каргошка.

Паяц придумал новую хитрость. Зная о моей склонности везде и всюду усматривать тайные знаки, он познакомил меня с мужчиной – носителем собственной наружности – возле картины Пикассо «Девочка на шаре». В набор его мужских приемов, не сильно виртуозных, зато беспрюграммных, входило умение с грустью провожать взглядом, со значением смотреть в глаза, говорить в нужные моменты с эротичной хрипотцой. Во время прогулки кто-то из нас ногой задел валявшийся на земле стеклянный шарик. Носитель собственной наружности поднял его, как я думала, чтобы отдать мне. Не тут-то было – он произнес ритуальные слова: «Видит Бог, рад бы, при всем моем уважении», – что означало – шарик он отдать пожалел. Носитель собственной наружности пояснил, что шары для него – это святое. То, что он поднял с земли, не просто стекляшка круглой формы, а послание от его покойного папы. Дело в том, что его папа перед смертью прошептал «шары, шары», и с тех пор Носитель собственной наружности собирает все шары, как знак памяти о папе.

Я отправила с миром и найденный шарик, и почти-

тельного сына. Я встретила Носителя собственной наружности снова, когда он уже маскировал лысину. Разговаривал он странным фальцетом. Оказалось, сверзился, отбил себе всё на свете. Была печальная операция. Предупреждал же его папа в больнице перед кончиной – «шары, шары...»

Лампа светила фальшивым светом Не-Он.

Тогда Паяц, чертыхнувшись, принес мне книгу судьбы, толстую, написанную под копирку на пишущей машинке, вручную сброшюрованную и для крепости пробитую насквозь гвоздем. Вы бы захотели судьбу, пробитую гвоздем? А я взяла. Паяц почему-то спохватился, стал требовать ее назад, говоря, что она давалась мне на время и нужна достойным людям. Я не отдала.

Судьба возникает с пугающей реалистичностью метафор. Раз книга была укрепена гвоздем, мне встретился тот, кого все называли Гвоздь. Что-то, что входит в тело через глаза, подняло нас, и мы взлетели, путая верх и низ, время, пространство и собственные тела. Шагал, увидев нас случайно, написал свою известную картину. Свет заполнил всё, он был в груди, в глазах, в волосах, собственно, и тел уже не было – только свет.

Господи Иисусе, а нельзя, чтобы всегда было так хорошо? – «Можно. Я могу изменить прошлое, не изменяя его».

Я вспомнила, что когда-то я говорила – мне не надо рождаться, а в ответ – придется. Я – ну тогда в Англии, а мне – не тебе решать. Я – если против моей воли, все равно бессмысленно. А мне – все получится. Я – нет стимула. А мне – придумай. И я придумала тебя. А ты знаешь, что ты – моя фантазия?

Гвоздь из этого путешествия не вернулся. Странно, что вернулась я. Тело Гвоздя, принадлежавшее совсем другому человеку, отправилось в свое земное странствие, а мне на память остались две серебряные кошки. Я их хранила, берегла, но они потерялись. То есть я думала, что я их потеряла, пока не обнаружила в двух живых черных кошках, когда я, не сомневаясь, выбрала того, кого выбрали они.

Судьбу выбирают, думая, что выбирают любовь. Не-а. Судьба – не любовь, а испытание любовью. Любить любовь или человека? Л-ь-ю-убить. Любить перемешника. «Ты хочешь меня убить?» – спросила я. – «С чего ты так решила?» – «А, все хотят».

Как говорил Оскар Уальд, «ведь каждый, кто на свете жил, любимых убивал».

Неужели каждый?

Любовь важнее любви, так говорил Заратустра. Или не говорил.

Вилли Мельников
ДООС – лингвозавр

Ацтекский рецепт:
как, не разглядев свет
в конце тоннеля,
прорубить тоннель
в Конце Света...

На двух языках современных
потомков майя – течуэный и
оахака

Фото Елены Кацюбы.

Герман Виноградов

ДООС – огнезавр

Январь. Нелётная погода.
Иван IV взял Казань,
Во славу русского народа
Барму и Постника призвал.

.....
Вот так возник волшебный храм,
Красою всех с ума сводящий,
Как водка и портвейн «Агдам»
Для сердца много говорящий.

Полузабытые слова
Телега без колёс
И свечка теплится едва
Под ёлкой – Дед Мороз
Полузакрытые глаза
Теплеют от вина
И смотрят вниз, вперёд и за –
Подробности не сна –
По лугу скачет человек –
Тень от его ноги
Играет в золотой орех –
Подножие богини Кали

Пожинают лепесток
Возвращенцы нет кряхтя
Руковластно петть подряд
Гробомыслие в печать
Обновлённая зияющая рожь
Грозит кудрявый конь злодейский
Их семеро один вперёд
Раскинув рук полёт двенадцать
Через пустыню клей навзрыд
Грузин известных печенегов
Начало дня твоих побегов
Кусать поношенный вперёд
Лечение не терпит боли красок
Подрясник жидко пробежал
И в старый Новый Год заржал
Стремглав стрелы лосось песочный
Варилось в день Венеры худосочной
По-разному по два по три
Порвать усталый в первый мальчик
Зажгло невеста из куста
Вновь пожинают лепесток

Фото-коллаж Елены Кацубы.

С Новым годом! С Рождеством!
С Кислородом! С Веществом!

ДООСовский
Дед Мороз
Герман Виноградов.

Валентин Нервин

Воронеж

Из записных книжек

Зачем бегать за женщинами,
если они никуда не убегают?

Круговорот любви в природе.

Есть ли жизнь после секса?

Пережить можно всё, кроме
бессмертия.

Счастье короче любви.

От великого до спиртного —
один шаг.

Душа просит шампанского,
а организм требует водки.

Кривой огурец окрошку не
испортит.

Слесарь печального образа.

Не бей лежачего, а то
встанет..

Живем только раз, зато
ежедневно.

Человек, выживший из времени.

Институт переподготовки благородных девиц.

Общество анонимных трезвенников.

Дом творческой терпимости.

Свет в конце туннеля уже виден, но этот туннель ведет к концу света.

Жизнь настолько непредсказуема, что, в действительности, она может быть лишь сновидением.

Последние станут первыми, когда прозвучит команда «кругом!..»

Президент может ошибаться, управдом — никогда.

Ругать власть опасно, хвалить — пошло, не замечать — глупо. Относитесь к ней так же, как она к вам: цинично и без эмоций.

Игорь Ревякин

Ремейк картины

Ф.П.Решетникова 1948 года

«Прибыл на каникулы».

Юрий Башмет, репетиция.
Фото **Любови Князевой.**

Весь оркестр.
Фото **Ирины Бессарабовой.**

Ирина Бессарабова

Музыка, по словам Курта Воннегута, является необходимым и достаточным доказательством существования Бога. Но музыка существует на земле, и значит служение музыке, как богослужение и земледелие, – непрерывный труд. Не всем из нас доступна музыка небесных сфер, но тот, кто усердным трудом возделывает музыку на земле, слышит и небесную.

В этом году, в январе, знаменитому альтисту Юрию Башмету исполнилось 60 лет. А замечательному альту Башмета исполняется 255 лет, сорок из которых музыкант и его инструмент вместе. Этот был создан в Милане в 1758 году мастером Паоло Тесторе. Руки многих музыкантов прикасались к этому шедевру скрипичного мастерства, но именно Башмету удалось прославить его на весь мир. Паоло Тесторе дождался лучшего хозяина для своего инструмента.

Одно из недавних творческих достижений маэстро – вдохновенная работа в Международном детском лагере искусств в июле 2012 года в Австрии. Детский лагерь в австрийских Альпах существует не первый год под патронатом фонда «Энергия для жизни» (учредитель Александр Бетанишвили), но впервые здесь был создан Международный детский камерный оркестр под руководством Юрия Башмета. Юные музыканты возрастом от 8 до 15 лет со всего мира. Менее чем за десять дней была подготовлена программа для исполнения у здания Венской ратуши на площади Фридриха Шмидта. Именно Башмет стал для многих детей первым дирижером на первых настоящих гастроях. Было в этом уникальном коллективе и несколько счастливых россиян. Да, счастливых, потому что знаете, как начинались их репетиции? Всякий раз по-разному, но всегда – сказочно. Например, так: «Представьте, вы – летящие кенгуру...»

День концерта выдался нежным и солнечным. Но когда автобусы с детьми прибыли в Вену, хлынул ливень. Ребята волновались, ведь предстояло играть под открытым небом. А Юрий Абрамович и вся его небольшая взрослая команда были совершенно спокойны и подбадривали ребят. Руководитель Русского концертного агентства Дмитрий Гринченко, помнится, сказал тогда, что мы не можем быть неудачниками, потому что здесь все работают на совесть. И концерт на влажной от прошедшего дождя, залитой июльским вечерним светом сцене, сооруженной у стен Венской ратуши, прошел ослепительно ярко. Он был открыт для многочисленной публики в центре австрийской столицы.

Альт – дельта Альп. Альпы – дельта альтя. Так встревоженный, нежный туман поднимается тихо. Ладонь дирижера поднимается также – и дети растут – их смычки поднимают до неба.

Смычок Башмета смыкает небо и землю. Очень точно сказал поэт Константин Кедров: «Небо – это изнанка человека. Человек – это изнанка неба». Тайная порука посвященных – это наши мосты над бездной истории и судьбы. Такой колеблющийся, но прочнейший мост – смычок Башмета.

Специально для ПО

Александр Федулов

Откровений
Импровизаций
Шутовства
Ребячества
И страсти!
Между облаком и лужей?
Между яблоком и – «ну же!»?

Вена –
Кровь – Сальери – Моцарт.
Что ты хочешь, эти горцы!

Сбросил куртку, рубашку, штаны...
Ну и что? готовится спать.

Или плыть.
От любви – от шпаны?
Не уплыть – тра-та-та! –

что-то, мать, –

Откровений
Импровизаций
Шутовства
Ребячества
Страсти!
Молодостью вечной подвизаться?
К черту!.. к черту подлизаться...
Словом – приехали! Слезьте!

Сласти?

Среди поля, среди лужи,
Запустив огрызком в столб,
Понимаешь – о! ты нужен,
Ты –
все то, что здесь
исторг!

Краем глаза успеваешь –
Ужик – молния в висок...

Откровений, шутовства...

Море! More! Черта с два!

Авторитетная Российская библиотечная ассоциация рекомендует библиотекам, какими периодическими изданиями комплектовать свои фонды. А также отмечает качественные СМИ знаком отличия «Золотой фонд прессы». В их числе «Журнал ПОэтов».

Внимание!

ПОДПИСКА

Оформить подписку на журнал ПОэтов можно:

- во всех почтовых отделениях;
- в подписных агентствах и их региональных представительствах

Стоимость подписки на 1 месяц:

105 руб. 60 коп.

ПОдписной индекс: 81745

Ж У Р Н А Л
№ 1 (45) 2013
ЭТОВ

«Журнал ПОэтов»

Учредители

ООО «Эхо планеты»,
Константин Кедров, Елена Кацюба
Идея журнала и творческая концепция группа ДООС (Добровольное общество охраны стрекоз) при участии Русского Пен-клуба, при поддержке Региональной общественной организации «Центр современного искусства»

Главный редактор

доктор философских наук
Константин Кедров

Директор издательского проекта

кандидат исторических наук
Эльмар Гусейнов

Редакционный совет

Е.Кацюба (ответ.секретарь);
В.Ахломов; С.Бирюков — доктор культурологии (Германия);
А.Бубнов — доктор филол.наук; профессор В. Вестейн (Нидерланды);
А.Витухновская; А.Городницкий — доктор геолого-минералогических наук;
К.Ковальджи; А.Кудрявицкий (Ирландия);
Б.Лежен (Франция); В.Нарбикова;
В.Рабинович — профессор Института культурологии

Арт-директор — Игорь Маркин
Макет номера — Елена Кацюба

На 1 и 4 стр. обложках — рисунки Константина Кедрова.

Перепечатка материалов только с разрешения редакции.
Тираж 2000 экз.

Цена свободная.
Номер подписан в печать 16.01.2013
Отпечатано в ООО «Графика» в Москве.

Адрес редакции
125009, Москва, Тверской бульвар, д.12 стр.1
Телефоны:
(499) 791 0398 — для справок
(499) 791 0403 — распространение
(499) 791 0409 — факс

Адрес в Интернете www.ekhoplanet.ru
e-mail ekho@ekhoplanet.ru

Ф.СП-1

Министерство связи РФ

АБОНЕМЕНТ на **81745**
журнал (индекс издания)

журнал ПОэтов

(наименование издания) | количество комплектов

на 2013 год (по месяцам):

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс) (адрес)

Кому

(Фамилия, инициалы)

Дооставочная карточка

на **81745**
ПВ место литер журнал (индекс издания)

журнал ПОэтов

(наименование издания)

СТОИМОСТЬ	подписки	руб.	коп.	количество
	переадресовки	руб.	коп.	комплектов

на 2013 год (по месяцам):

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда
(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(Фамилия, инициалы)